

8 VIII

ОЧЕРКИ

ДОМАШНЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЕВРЕЕВЪ,

ИХЪ ВѢРОВАНІЯ, БОГОСЛУЖЕНІЕ, ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ,
ТАЛМУДЪ И КАГАЛЬ.

Сост. А. А. Алексеевымъ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание книжопродавца Н. Л. Тузова.
Гостиный дворъ, 45.

1897.

ОЧЕРКИ

ДОМАШЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

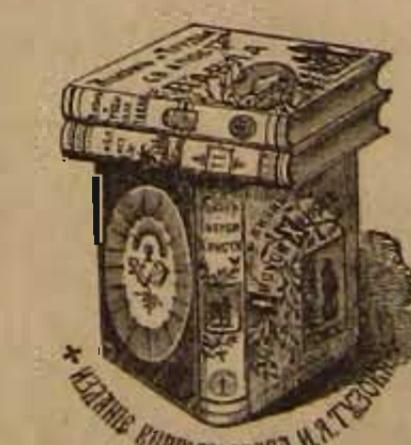
ЕВРЕЕВЪ,

ИХЪ ВѢРОВАНІЯ, БОГОСЛУЖЕНІЕ, ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ,
ТАЛМУДЪ И КАГАЛЬ.

Сост. А. А. Алексеевымъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание книгоиздателя И. Л. Тузова.

Гостиный дворъ, 45.

1896.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цезурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 7 Мая 1896 года.

Цензоръ Протоіерей *A. Автономовъ*.

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., 26.

ВВЕДЕНИЕ.

Не многимъ изъ русскихъ читателей известны жизнь и вѣрованія современныхъ евреевъ и только по библейскимъ сказаніямъ, да по священнымъ книгамъ Моисея, большинство составляетъ себѣ обѣ евреяхъ известное представление. Но громадная пропасть отдѣляетъ въ дѣйствительности нынѣшихъ евреевъ отъ ихъ древнихъ предковъ: пропасть эта—талмудъ. У современного еврейства своя религія, такъ называемая «новоіудѣйство», установленная раввинами и отличающаяся во многомъ отъ ветхозавѣтной: тутъ и вѣроученіе своеобразное, и множество предписаній талмуда и масса особенностей, которыхъ крѣпко придерживаются современные евреи и которая въ свою очередь кладутъ на нихъ столь замѣтную печать замкнутости и обособленности. Знать все это русскому обществу было бы, полагаемъ, не безполезно, хотя бы въ виду того, что въ его средѣ находится до трехъ миллионовъ евреевъ, съ которыми приходится имѣть столкновенія въ жизни. Но чтобы проникнуть въ еврейскія тайны, для этого нужно и жить среди самихъ же евреевъ, изучить ихъ жизнь и талмудъ и знать еще нечто изъ дѣяній кагала. Пишущій эти строки беретъ на себя смѣлость снять покровъ хоть съ нѣкоторыхъ изъ этихъ тайнъ и тѣмъ восполнить пробѣль въ литературныхъ воззрѣніяхъ большинства. Еврей по происхожденію и ревностный талмудистъ по прежнимъ своимъ занятіямъ, я имѣлъ возможность близко наблюдать среду, о которой хочу говорить здѣсь, и знать много особенностей, которые характеризуютъ ея религіозно-общественный строй. Самая жизнь моя—до перехода моего въ христіанство—была тѣсно связана съ общей племенной жизнью, и съ этой стороны можетъ быть названа типичнымъ образцомъ, по которому слагается судьба многаго большинства евреевъ.

ПРЕДСЛОВІЕ КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагаемые очерки «жизнь и вѣрованіе евреевъ» напечатаны были въ духовномъ журналь «Странникъ» десять лѣтъ тому назадъ. Изъ напечатанныхъ статей мы тогда составили отдельную книжку, издавъ ее въ маломъ количествѣ экземпляровъ, которые скоро разошлись.

Очерки наши удостоились одобрительныхъ отзывовъ со стороны духовнаго журнала, бывшаго органа Св. Синода *), такъ и со стороны нѣкоторыхъ архипастырей, которые выразили желаніе, чтобы мы подробнѣе ознакомили читателей съ вѣроученіемъ евреевъ—талмудомъ, богослуженіемъ и обрядами синагоги. Свѣтскія же лица интересовались больше свѣдѣніями о «кагалѣ» и его вліяніи на общество. Не удовлетворить подобному желанію мнѣ представлялось невозможнымъ.

Въ виду этого, тщательно просмотрѣвъ очерки первого изданія, мы значительно дополнили ихъ, а нѣкоторые отдѣлы вновь написали, какъ напр., о синагогѣ, о богослуженіи нынѣшихъ евреевъ, совершающемся не по предписанію Моисея, а по уставовленію раввиновъ и весьма оригинально; молитвы же о Мессіи особенно древнихъ временъ Ездры—поучительны.

Очерки знакомятъ съ еврейскими праздниками, неизвестными вниманія христіанина, наконецъ съ кагаломъ, т. е. властью Израиля.

Все это, полагаю, не безполезно знать христіанину, для кото-
рого кагальная жизнь евреевъ—тайна.

Очерки наши могутъ оказать не малую услугу и пастырю Христовой церкви при бесѣдѣ съ евреемъ о вѣрѣ Христовой.

А. Алексеевъ.

*) Церковный Вѣстникъ № 40 за 1881 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

І.

Домашняя жизнь евреевъ.

Начну разсказъ съ рожденія. Родился я въ 1826 году отъ бѣдныхъ родителей въ маленькомъ мѣстечкѣ Незарицы, подольской губерніи. Мѣстечко Незарицы очень маленькое мѣстечко, но славится между іудеями тѣмъ, что въ немъ живеть не мало ученыхъ талмудистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ отецъ мой. Изъ этого-то талмудического гнѣзда или, какъ выражались евреи, «знатнаго дома и ученаго Юдка Шахновича» произошелъ и я, Вульфъ, названный во св. крещеніи Александромъ. Старожилы нашего мѣстечка помнили, что и дѣдъ мой былъ не простой еврей, а іерусалимскій «мореро», великий ученый, проповѣдникъ, выходецъ; не разъ онъ прїезжалъ въ Россію за сборомъ въ пользу бѣдныхъ іерусалимскихъ братьевъ и игралъ замѣтную роль; но въ послѣдній свой прїездъ заболѣлъ въ Незарицахъ и здѣсь умеръ. Самъ отецъ — тотъ возводилъ родъ свой и еще выше, даже до княжескаго, и уверялъ, что его дѣдъ былъ княземъ и происходилъ изъ колена Іудина, которое нѣкогда славно княжило во Израилѣ. Что несомнѣнно вѣрно, такъ это то, что отецъ былъ великимъ учителемъ, такъ какъ обладалъ большою ученостію, разумѣется, талмудическою; а быть ученымъ, т. е. знатокомъ талмуда — важнѣе всего для еврея. Талмудиста избираютъ въ раввины, судьи и даже посвящаютъ въ «цадика» — оберъ-раввина (нѣчто въ родѣ архіерея); за знатока талмуда, хотя бы онъ былъ сынъ бѣдняка, еврей богачъ выдастъ охотно и дочь свою и дастъ за нея большое приданое; каждый гордится вступить въ родство съ ученымъ талмудистомъ; считаютъ за счастіе и по смерти быть погребен-

нымъ рядомъ съ прахомъ талмудиста и платить за мѣсто большія деньги. Словомъ, выше талмудиста нѣть человѣка въ еврейскомъ мірѣ; ему почетъ въ синагогѣ, ему поклонъ въ собраніяхъ и на улицѣ; ему первое мѣсто всюду *). Такимъ-то почетомъ пользовался и отецъ мой. Но когда я рождался, отцу пришлось вынести маленькую непріятность. Мать моя сильно мучилась мною и едва не поплатилась жизнью. Въ мѣстечкѣ нашемъ не было повивальной бабки, и отецъ принужденъ былъ обратиться къ цирульнику, славившемуся искусствомъ въ акушерскомъ дѣлѣ, и просить его принять на себя должность бабки; цирульникъ согласился не вдругъ, ссылаясь на нездоровье и дурную погоду. «Воля ваша, отвѣчалъ онъ отцу, а я пѣшкомъ не пойду». Бѣдный родитель изъявилъ согласіе нести его на своихъ плечахъ и несъ его, пока, выбившись изъ силъ, не упалъ со своею ношою среди грязи, которой въ Незарицахъ было не мало. Цирульникъ, получивъ ушибъ, поднялъ гвалтъ, а отецъ, почувствовавъ себя нехорошо, воскликнулъ: «Шадай!» т. е. Боже милосердый, яви намъ помощь. Заорали, глядя на отца и дѣти: «ойвей, ойвей!» Этотъ общій гвалтъ, какъ прозорливо послѣ передавалъ отецъ, былъ такъ силенъ, что несомнѣнно дошелъ и до ушей Бога; и отъ того, какъ отъ шума Израиля, разрушившаго нѣкогда стѣны Іерихона, рушилось семейное наше горе. Съ приходомъ отца, мать разрѣшилась отъ бремени, а отецъ не преминулъ ее утѣшить: «не даромъ ты, дорогая моя, сказалъ онъ, носишь имя праматери нашей, Ревекки и, подобно ей, страдала въ беременности! вѣрь, что и ты возрадуешься о плодѣ своемъ: за долгое терпѣніе Богъ наградилъ

*) Правда, иногда воздаютъ иѣкоторое поченіе и „когану“—священнику и левиту, званіе которыхъ весьма сомнительно, такъ какъ съ уничтоженіемъ у евреевъ жертвенника и прекращеніемъ жертвы, не стало у нихъ и законныхъ священниковъ, но у нихъ есть самозванцы „коганы“, любящіе щеголять этимъ званіемъ. Замѣчательно, что эти коганы силятся доказать свое, будто бы, законное происхожденіе ветхими засалеными книженками, въ которыхъ значится, что такой-то коганъ. Задумай еврей съ подобнымъ коганомъ заспорить о чемъ-нибудь, тотъ не задумается поднести пощечину противнику; а если бы обиженный захотѣлъ обидчику воздать тѣмъ же, то другіе евреи заступятся за него и удержать обиженнаго; они скажутъ ему: „стой, братъ, когана нельзѧ бить, онъ вѣдь сердится не отъ себя, а гнѣвъ нисходитъ на него свыше“ (евреи убѣждены, что „коганъ“ долженъ быть человѣкомъ сердитымъ)—и обиженный оставитъ порывъ своего гнѣва.

тебя сыномъ, который, можетъ быть, будетъ подобенъ праотцу нашему Іакову». Скоро узнали родственники и знакомые о явлении новаго человѣка въ міръ и сочли долгомъ поспѣшить къ намъ въ домъ, чтобы поздравить родителей съ ниспосланіемъ имъ милости Божией, т. е. дарованіемъ еще одного чада. Каждый входившій въ домъ подходилъ къ родильницѣ и, какъ послѣ передавалъ отецъ гремѣль ей въ уши известныя слова; «мазлтовъ» — добро и счастіе вамъ, разумѣя при этомъ, «что вотъ молъ и еще родился на свѣтъ одинъ ишруэль» — израильянинъ и однимъ дорогимъ именемъ стало больше. Говоря объ этой подробности, нельзя не упомянуть, какое громадное различіе представляетъ одно и то же название «іудей» для христіанъ и для евреевъ. Кто не слыхалъ, съ какимъ отвращеніемъ произносить имя «еврей», иной христіанинъ, особенно простолюдинъ! Что можетъ быть для него хуже этого имени? Для еврея же это имя составляетъ хвалу, знакъ превосходства передъ другими: я происхожу, говоритъ онъ, отъ великаго родоначальника, Евера, отъ котораго произошелъ и отецъ всѣхъ вѣрующихихъ, праведный Авраамъ. Когда же назовутъ еврея «израилемъ», то онъ чувствуетъ себя и еще выше и тогда скажетъ: «ага! знайте же, что отецъ нашъ, Іаковъ, получилъ это имя отъ Самаго Господа, какъ «мужъ зряцій Бога или богоборецъ», ибо и съ Богомъ Самиимъ боролся и побѣдилъ Его. Но еврею страшно не нравится, когда его назовутъ жидомъ и особенно, когда хотятъ этимъ умалить его имя, за которое онъ ежедневно благодарить Бога, говоря: «благословенъ Ты, Боже, создавый меня, не «гоемъ» — иновѣрцемъ, а израильяниномъ» *). Понятно теперь, почему и радуются такъ евреи, когда рождается на свѣтъ еще одинъ израильянинъ. Излишне прибавлять, что и отецъ мой не могъ, конечно, не восхищаться моимъ рожденіемъ и выразилъ эту радость самыи дѣломъ. На столѣ, по его приказанію, явилось лучшее вино и отмѣнная закуска — сладкіе пряники, которые считаются самою богатою закускою у еврея; пьющіе сопровождали каждую рюмку добрымъ пожеланіемъ, а отецъ мой потчевалъ ихъ и самъ при-

*) Еврей усердно благодаритъ Бога и за то, что Онъ создалъ его не женщину, которая считается ниже мужчины (кн. Сидеръ, стр. 9). Женщина должна быть только помощницею мужа и, ужъ какъ ни ухитряйся, а все-таки останется тѣмъ же.

нималъ участіе. Не до радости было только матери: какъ и всякая еврейка въ такомъ положеніи, она трепетала не только за себя, но и за меня, и за меня особенно, опасаясь несчастія, которое такъ легко могло тутъ случиться. Нужно замѣтить здѣсь, что, по вѣрованію евреевъ, каждого младенца ожидаетъ опасность въ самомъ моментѣ рожденія: діаволъ — этотъ искони врагъ рода человѣческаго, ищетъ уже его погибели; правда, онъ нападаетъ и на большого еврея, но тутъ нападенія рѣдко бываютъ удачны: у взрослого есть спасительныя средства для борьбы съ злымъ духомъ, именно: «цыцесь» или рясны (ниточки, навязанныя на краяхъ жилета); этихъ молитвенныхъ знаковъ — «цыцесь» — терпѣть не можетъ діаволъ; но младенецъ новорожденный — что можетъ онъ сдѣлать и чѣмъ спастись? Будь это раньше, дитя не испугалось бы злого духа, такъ какъ, по учению талмуда, душа еврея будучи на небѣ подъ охраною Бога и зная все, могла бы угадать и тайный умыселъ злого духа и спастись отъ него; но разъ душа сошла съ неба и воплотилась, какъ дѣлается уже безсознательною и безсильною: ангелъ Божій по вѣрованію евреевъ, въ это время ударяетъ младенца подъ носъ и этимъ щелчкомъ отбиваетъ у него память. Сомнѣній на этотъ послѣдній счетъ тоже существовать не можетъ: «отъ чего же у каждого человѣка ямочка подъ носомъ, какъ не отъ щелчка ангела»?*)

И такъ, матушка моя находилась въ большой тревогѣ. Но не даромъ же говорятъ, что евреи народъ находчивый: въ опасныя минуты всегда у нихъ найдутся средства и противъ діавола. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Занавѣсь родильницы обвѣсили многочисленными бумажками со словами 121 псалма (шир-гамалисъ) и на нихъ сдѣлали надпись: махшево лойсехае, т. е. «чародѣйка да не живеть въ нась», а на др. пишутъ эти слова наоборотъ «въ нась да не живеть чародѣйка». Эти оригинальныя «спаси-

*) Не можемъ не указать на интересное сказаніе талмуда о моментѣ воплощенія души. Всѣ души человѣческія, говорить талмудъ, приготовлены Богомъ отъ вѣка для воплощенія въ тѣла и когда наступаетъ моментъ такой-то душѣ воспріять тѣло, то она обращается съ мольбою къ Богу, прося Его усердно не послыпать ее на землю, въ эту юдоль плача и скорби, но ей приказываютъ исполнить долгъ, т. е. сойти на землю и воплотиться въ тѣло человѣка, чтобы быть еще лишній израильтянинъ на землѣ и она, — бѣдная душа, — нехотя воплощается нехотя живеть и потомъ, должна оставить этотъ міръ и дать отвѣтъ Богу за всѣ дѣянія, сдѣланныя въ мірѣ.

тельныя» бумажки были окаймлены подписями именъ чтимыхъ праотцовъ: Адама и Евы, Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Іакова, Ліи и Рахили и наклеены на кровати родильницы. Огражденная этими записками, родильница могла уже вздохнуть свободнѣе и совершенно успокоиться, будучи увѣрена, что діаволу загражденъ теперь доступъ какъ къ ней, такъ и къ невинному младенцу, который безъ этихъ записочекъ легко могъ сдѣлаться его жертвою. Но за этимъ горемъ наступало другое и, можно сказать, гораздо большее для младенца: его ожидаетъ ножъ «моэла» — лица, совершающаго обрядъ обрѣзанія. Извѣстно, что у евреевъ обрядъ обрѣзанія совершается надъ младенцемъ мужскаго пола въ восьмой день по рожденіи. Положимъ, отъ этой операциі рѣдко бываютъ смертные случаи, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы таковыхъ вовсе не было, а о страданіяхъ, которыхъ приходится перенести новорожденному и говорить нечего.

Посвятимъ нѣсколько минутъ *обряду обрѣзанія*.

Утромъ въ субботу, на 8-й день, новорожденный младенецъ приносится въ синагогу; сюда собираются: «кватерь» (кумъ), кватерина (кума), «моэль» (обрѣзатель), «сандики» и разные приглашенныя лица. Когда все уже готово къ исполненію обряда, кума, поднявъ младенца на руки, ожидаетъ громкаго зова шамеша: «кватерь», при которомъ она передаетъ младенца куму подъ громкимъ привѣтствиемъ: «борухъ габо» (будь благословенъ пришлецъ). Кумъ подносить младенца къ могелю, который, воспріявъ его, читаетъ вслухъ: «И рече Господь праотцу нашему Аврааму: шествуй предо мною и будь праведенъ»; послѣ этого онъ подходитъ къ кисе шель Элюгу (трону Иліи пророка), на которомъ невидимо пророкъ присутствуетъ при обрѣзаніи. Въ эту минуту младенца обступаютъ всѣ могелимъ, готовые къ операциі—одинъ съ обюдо острымъ ножемъ, другой съ заостренными ногтями на большихъ пальцахъ, а третій съ своимъ ртомъ. Первый изъ могелинъ творить предварительно молитву: «слава тебѣ Іегова, Боже нашъ Царь вселенной, освятившій насъ заповѣдью своею совершать обрѣзаніе» и, срѣзавъ въ мигъ край дѣтороднаго члена, уступаетъ свое мѣсто другому оператору—перею, этотъ хватаетъ срѣзанное мѣсто и, разорвавши кожицу снизу члена своими заостренными

ногтями, уступаетъ свое мѣсто третьему оператору мецицу, который устами высасываетъ кровь изъ раны. Рану засыпаютъ древеснымъ порошкомъ и поднимаютъ младенца съ подушкою на руки. Одинъ изъ присутствующихъ совершаеть молитву надъ чашею съ виномъ, при двукратномъ повтореніи словъ пророка Іезекіила: «И говорю тебѣ, кровью твою живи», опускаеть въ ротъ младенца три капли вина. Всю эту церемонію канторъ заглушаетъ пѣніемъ «многая лѣта» младенцу, родителямъ его, присутствующимъ и проч.

Не безъинтересно представляется въ экзегетическомъ смыслѣ одна подробность изъ этого обряда—это именно, такъ называемое сѣдалище пророка Иліи или, по-просту говоря,—кресло, которое ставится тутъ для этого пророка, существовавшаго всегда засѣдать въ синагогѣ при совершенніи обрѣзанія. Почему пророкъ Илія обязанъ засѣдать здѣсь, на это имѣются свои причины: при жизни своей на землѣ, онъ, какъ ревнитель вѣры израиля, въ гнѣвѣ на своихъ соотчичей, равнодушныхъ къ закону и обряду обрѣзанія, обратился съ жалобою къ Богу, говоря: «Господи, израиль совсѣмъ забылъ твой законъ», т. е. обрѣзаніе. А такъ какъ евреямъ строго заповѣдано Богомъ хранить этотъ завѣтъ, который они и хранили, то Господь, тронутый этимъ доносомъ, велѣлъ немедленно изслѣдовать это дѣло въ небесномъ ареопагѣ; но когда слѣдствіе произвели, то оказалось, что израиль вовсе не нарушилъ свой священный завѣтъ; и пророкъ оказался несправедливымъ. За такой неправый доносъ пророку Иліи велѣно было дать тридцать ударовъ, чтобы онъ впредь не клеветалъ на народъ Божій и, кроме того, ему же приказано всегда присутствовать при обрѣзаніи, чтобы онъ зналъ, какой тяжкій грѣхъ совершилъ онъ, возведя напраслину на израиля». (Странная выдумка и клевета!). И Илія, видя это, каждый разъ мукается за свой грѣхъ. Такъ былъ онъ свидѣтелемъ и моего обрѣзанія.

II.

Начальное домашнее воспитаніе еврейского дитяти.

Первое, что врѣзалось въ моей памяти, это начальное руководство моей матери. Ея главная забота состояла въ томъ, чтобы я

изучалъ утреннія молитвы. Встанешь бывало съ постели и захочешь взяться за хлѣбъ, но лишь только протянешь руку, какъ мать остановить и скажетъ на еврейскомъ «жаргонѣ»:—«варть майнъ киндъ» — погоди, дитя мое, надо прежде умыться и прочесть «брохесъ» (утреннія молитвы), а потомъ уже и за хлѣбъ браться; вѣдь мы не «гои», которые слишкомъ заботятся о томъ, чтобы побольше и получше накласть сюда (при этомъ указываетъ на животъ), думая отъ этого быть крѣпкими и тучными, а какой толкъ въ тучномъ тѣлѣ, которое никогда сдѣлается достояніемъ червей?» «Такъ, такъ! добавить къ этому и отецъ, законъ нашъ учить: умножающій плоть, умножаетъ червей, умножающій слугъ умножаетъ грабежъ и непріятность въ домѣ, умножающій одежды и богатство умножаетъ скорбь и заботу, но умножающій въ себѣ «Тора» — Законъ Божій — умножаетъ жизнь вѣчный». (См. кн. Сидеръ, перекѣшени, отд. 2). Послѣ этого нравоученія, мать, бывало, подведетъ меня къ умывальницѣ или кувшину, который заблаговременно ставится у изголовья постели отца и тщательно умоетъ мнѣ руки и особенно кончики рукъ. Не подумайте, читатель, что кончики эти одна условность, — совсѣмъ нѣтъ. У евреевъ утреннее умовеніе совершается не столько для чистоты, сколько для того, чтобы прогнать нечистую силу, порхающую ночью надъ спящимъ человѣкомъ и скрывающуюся въ кончикахъ рукъ, особенно подъ ногтями. Поэтому раввины, эти заботливѣйшие учителя синагоги, придумали разныя спасительные средства, способствующія прогнанію злого духа. Одно изъ этихъ средствъ — обрядъ омовенія рукъ. Еврей, вставъ отъ сна, тотчасъ долженъ умыть руки, не отходя отъ кровати далѣе четырехъ аршинъ; это омовеніе называется «негель васерь». Строго запрещается неумытыми руками браться за лицо, чтобы оно не сдѣлалось въ пятнахъ; не слѣдуетъ прикасаться до рта, чтобы не сдѣлаться нѣмымъ, ни до глазъ, чтобы не ослѣпнуть, ни до ушей, чтобы не оглохнуть, ни до носа, чтобы не получить насморка, ни даже до той воды, которая приготовлена для умовенія *). Каждая набожная мать-еврейка наблюдаетъ, чтобы дитя не ходило съ неумытыми руками

*) См. „Шалхенъ Обрихъ“ (сборникъ раввинскихъ учений) гл. 4. ст. 1—3.

и умывалось согласно предписаніямъ талмуда, который повелѣваетъ сначала омыть одну руку, потомъ омытою рукою обдавать изъ кувшина другую; при этомъ строго наблюдаютъ, чтобы вода не брызнула въ кувшинъ, иначе нужно снова умываться; особенно строго слѣдить мать за тѣмъ, чтобы дитя, умывшись, прочитало утреннія молитвы; послѣ молитвы мать дасть кусочекъ хлѣба, намазанный смѣтаной. О, съ какимъ удовольствіемъ съѣдалъ я бывало этотъ кусочекъ! Но и хлѣба давалось въ мѣру: спросишь иной разъ лишній ломтикъ, чтобы съ нимъ, на манеръ крестьянскаго мальчика, выйти на улицу и тамъ покушать, но мать не дастъ, особенно же когда доѣдаешь послѣдній коровайчикъ (хлѣбы шекутся обыкновенно разъ въ недѣлю, одинаковой величины каждый, такъ что по одному хлѣбцу, фунта въ три, приходится въ день на все семейство). «Посмотри-ка, скажетъ, на полку: вѣдь остается всего одинъ хлѣбецъ, а до шабаша осталось еще два дня». Ни о какихъ бивштексахъ или котлетахъ никто изъ настѣ не имѣлъ и малѣйшаго представлениія. Задумай еврейскій мальчикъ потребовать отъ матери что-нибудь подобное, отецъ скажетъ: «знаешь изреченіе нашихъ мудрыхъ отцовъ: «пасъ бамелехъ тохиль» — хлѣбъ съ солью єшь, «веаль эрецъ тишенъ» — на землѣ спи и благо тебѣ будетъ». Любители мяса, быть можетъ, скажутъ: такъ вотъ почему евреи такие жидашки и тощіе. Мы не раздѣляемъ этого убѣжденія и именно потому, что съ дѣтства научены вѣрить въ св. Писаніе, а оно говоритъ: «хлѣбъ укрепляетъ сердце мужа». Съ другой стороны едва-ли уже такъ безспоренъ и самый фактъ общей еврейской слабости. По крайней мѣрѣ малороссы, лучше знающіе имъ цѣну, сложили какъ разъ противоположную поговорку: «жиды живучи, якъ кошки и родятся, якъ клопы». Но обѣ этомъ, разумѣется, только къ слову. Несомнѣнно, что все порядочное, что только найдется въ еврейскомъ мальчикѣ и во взросломъ человѣкѣ, — плодъ материнскаго воспитанія; мать пріучаетъ ребенка вставать въ извѣстный часъ на молитву, посѣщать синагогу, свято хранить уставы ея; мать вселяетъ въ дитяти страхъ Божій и научаетъ его заповѣдямъ и велить хранить законъ Моисеевъ. Она и въ домашней жизни слѣдить за каждымъ шагомъ своихъ дѣтей: задумай ребенокъ обнажить свое тѣло, мать остановить

его и скажетъ: «даз исть нихть-шейнъ, майнъ киндъ»—стыдно, мое дитя, такъ дѣлать: «наготу человѣка-израиля не должны видѣть и бревна дома». Но особенно наблюдаетъ мать-еврейка, въ подобныхъ случаяхъ, за дѣвочкой, внушая ей держать себя прилично и тѣмъ болѣе въ присутствіи мужчины; смѣло могу сказать—никогда не увидите еврейскую дѣвушку въ такомъ видѣ который бы въ соблазнъ ввелъ мужчинъ. Мать не позволить дѣтямъ сказать грубаго слова старшему, напримѣръ: въ обращеніи съ нимъ употребить слово «ты», хотя бы то былъ домашній слуга; отъ того-то и замѣчается въ жизни евреевъ уваженіе и почтеніе другъ къ другу. Даже фанатизмъ, замѣчаемый въ евреѣ, доходящій до ненависти къ иновѣрцу, тоже есть плодъ материнскаго воспитанія. Грѣхъ утаить, но надо сознаться, что и моя добрая мать, ревнуя о вѣрѣ своей не по разуму, вселяла во мнѣ и въ другихъ дѣтяхъ ненависть къ окружающимъ нась христіанамъ; при входѣ, напримѣръ, въ нашъ домъ крестьянина или крестьянки, она не позволить никому изъ дѣтей подойти къ нимъ и особенно вступить въ разговоръ; когда же вошедшій крестьянинъ приласкаетъ кого изъ нась, то скажетъ: «гей авекъ»—иди прочь, дитя мое, отъ «гоя»—язычника: онъ, вѣдь, «трефный»,—скверный; не допускала сближаться и съ дѣтьми христіанъ, потому что они «шегецъ-шерецъ»—гадины. Подобными наименованіями евреи, конечно, все-ляютъ въ дѣтяхъ съ раннихъ же лѣтъ презрѣніе и ненависть къ христіанамъ. Но всѣ эти дурные внушенія, дѣлаемыя еврейкой дѣтямъ, можно сказать, не ея прямая вина, а результатъ талмудическаго ученія; еврейка считаетъ законнымъ дѣломъ приводить въ исполненіе то, чему учитъ талмудъ. Помимо этихъ грустныхъ правилъ талмуда, прививаемыхъ матерью къ дѣтямъ, она все-же научаетъ своихъ дѣтей и многому хорошему, не исключая и того, что необходимо знать въ домашнемъ хозяйствѣ, напр., изготовить кушанья въ честь шабаша. Каждая мать-еврейка, какъ бы она ни была богата и знатна, почетъ долгомъ познакомить дочь съ кухней и научить ее, какъ испечь куличъ, приготовить рыбу и кугель (родъ пирожнаго) ко дню шабаша и т. п. Такъ велось дѣло и въ нашемъ семействѣ.

Когда наступилъ 6-й годъ, въ который, по принятому обычаю,

мать должна была передать дѣло моего воспитанія въ другія руки, отецъ съ ней повелъ такую рѣчь: «слушай, моя любезная Ривкэ (Ревекка), я вижу, что у тебя не хватаетъ ни силъ, ни времени, для надлежащаго образованія нашего сына, Вульфа; его уже пора отдать въ «хедерь»—училище; знаешь, опускать время обученія для мальчика то же самое, что лишать его сокровища».—«Совершенно такъ, отвѣтила мать, дѣлай то, что знаешь, мнѣ не слѣдуетъ учить тебя: въ подобныхъ дѣлахъ не жена должна учить мужа, а ей слѣдуетъ у него учиться». Это былъ типичный отвѣтъ—въ тонѣ каждой еврейки-матери. «Я выбралъ въ учителя сыну, продолжалъ отецъ, почтенного реббе Сруля, онъ извѣстенъ за «ере шумаемъ»—мужа, боящагося Бога и высоконравственного человѣка, а это-то и составляетъ самую важную черту учителя; безъ этихъ качествъ онъ по моему не учитель, такой человѣкъ можетъ только привить въ учащемся мудрость житейскую, но страху Божію онъ не научить; не отъ такихъ ли учителей, особенно отъ казенныхъ, дѣти наши сдѣлались отступниками вѣры отцовъ и худыми гражданами?»—«Ой вей, вей миръ!»—согласилась мать, покачивая головою,—«избави Богъ нашего сына отъ такихъ учителей,—заразы безвѣрія. Ты ужъ, пожалуйста, пригласи хорошаго учителя; я ничего для него не пожалѣю, сама не доѣмъ куска, а ему отдамъ, лишь бы только хорошо училъ нашего Вульфа». Послѣ такого семейнаго діалога, отецъ обратился съ нѣжною рѣчью и ко мнѣ, въ которой высказалъ, какъ важно и необходимо учиться мальчику. Я слушалъ его съ удовольствіемъ. «И такъ, милый мой, завтра пойдешь ты въ школу и будешь тамъ, вѣроятно, прилежно учиться».—«Гутъ (хорошо), тата», отвѣтилъ я. «А какія милости будутъ тебѣ за это, продолжалъ отецъ, отъ Бога и учителя,—самъ увидишь». Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ и крѣпко залегъ въ моей дѣтской головкѣ; онъ навѣль меня на многія размышенія: вотъ, думалъ я, буду ходить, подобно другимъ мальчикамъ, въ школу учиться и, научившись, буду, по словамъ отца, «ламдыномъ»—ученымъ, книжникомъ: «дасъ изъ зер-гутъ»—это очень хорошо.

Утромъ отецъ, по обычаю, отправился въ синагогу къ богослуженію и тамъ, по окончаніи службы, переговорилъ съ «набож-

нымъ» учителемъ о своемъ намѣреніи отдать меня къ нему въ школу. Получивъ согласіе, онъ, по возвращеніи домой, объявилъ объ этомъ матери и мнѣ, и при этомъ похвалилъ будущаго моего учителя.

III.

Школьное обученіе евреевъ.

На другой день я уже приведенъ былъ въ «хедеръ» — школу. Грязная, бѣдная обстановка ея, какъ и самое жилище моего учителя, помѣщавшагося тутъ же, сильно меня озадачили. Представьте себѣ: небольшой домикъ, крытый соломой, внутри вымазанный глиною, пола нѣтъ — просто мазанка, лачуга; и такая-то хата, никому неподвѣдомственная, кромѣ контроля родителей, бываетъ биткомъ набита учащимися! Дѣло обученія происходитъ съ шумомъ и визгомъ, составляющими принадлежность еврейскаго обученія. Но въ особенное смущеніе, какъ теперь помню, привели меня взоры многочисленныхъ мальчиковъ, уставившихъ на меня глаза, какъ на какое-нибудь чудовище, хотя я былъ такого же поля ягодка. Учитель, поздоровавшись со мною, сказалъ: «такъ ты то и есть «тахшидъ» — дорогое чадо досточтимаго и славнаго нашего судьи и знатнаго учителя израиля?» Я застѣнчиво кивнулъ головою, вмѣсто отвѣта, но отецъ попросилъ меня отвѣтить на вопросъ учителя, и я сказалъ: «да, я сынъ стоящаго предъ вами лица, раббе, Юдка Шахновича». Такъ величали всѣ моего отца въ мѣстечкѣ, что было извѣстно и мнѣ. Отвѣтъ мой такъ понравился учителю, что онъ поцѣловалъ меня. Отецъ, не желая отвлекать учителя отъ занятій, распрошался и ушелъ. Учитель поручилъ меня «бельферу» — своему помощнику, приказывая ему заняться со мною. Тотъ взялся показывать мнѣ азы. Замѣтимъ, что «бельферъ» не есть помощникъ учителя въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается это у насъ русскихъ, въ смыслѣ человѣка съ «правами». Нѣтъ, у евреевъ и учитель не имѣть никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ, а тѣмъ болѣе его помощникъ; послѣдній на такомъ же счету, какъ и всякий подмастеръ; просто

это учительской батракъ, обучающій молитвамъ учениковъ и наблюдающій за ними. Въ грязную погоду онъ же обязанъ носить малыхъ учениковъ въ школу на своихъ плечахъ.

И такъ бельферъ началъ мнѣ показывать первую букву: «алефъ» — а, а, приговаривая на своеи жаргонѣ: «редже, редже», т. е. говори «алефъ», «алефъ». Мнѣ показалось это и страннымъ и скучнымъ. Я ему сказалъ: мнѣ давно известна буква «алефъ», а также и другія — и давай ему читать: «алефъ, бейтъ, гимель, далидъ» и пр. Бельферъ мой озадачился, а я, собравшись съ духомъ, сказалъ: «я не только азбуку знаю, но умѣю уже немнogo читать», и тутъ же началъ въ книгѣ отыскивать заученные дома молитвы и, найдя ихъ, сталъ какъ колокольчикъ отзанивать: «Борихъ ато, Адонай!» т. е. благословенъ еси Ты, Іегова Боже нашъ. Послѣднее слово я произнесъ такъ сильно, что всѣ мальчики, не исключая и самого учителя, вытаращили на меня глаза. Учитель погладилъ меня по головѣ и сказалъ: «молодецъ, только совсѣту читать потише, особенно слово «Адонай», какъ-то у тебя очень ужъ громко вышло, можетъ голова заболѣть». — «А какъ же можно такое святое слово, сказалъ я, тихо выговаривать? мать меня учила произносить это слово какъ можно громче, увѣряя, что имя Іеговы нужно употреблять «съ воскликновеніемъ». Тоже говорилъ мнѣ и отецъ, подтверждая словами св. Писанія, гдѣ говорится: «Воскликните Богу, сынове израилля!» Учитель былъ видимо тронутъ, такъ что возвелъ глаза къ небу и сказалъ: «слово твое, дитя мое, истинно: мы, дѣйствительно, должны взыывать къ Богу и имя Его произносить велегласно, какъ нѣкогда звали и отцы наши и особенно пророки: «Кодышъ, Кодышъ, Кодышъ!» — Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ!»

Это былъ мой первый триумфъ. На другой день учитель самъ занялся со мною. Въ видахъ большаго поощренія, бельферъ, по принятому порядку, бросилъ незамѣтно для моихъ глазъ грошъ съ полки; это привело меня въ удивленіе: откуда, подумалъ я, взялся этотъ грошъ? Какимъ образомъ попалъ онъ на мою книгу? Учитель, замѣтивъ мое удивленіе, сказалъ: «это тебѣ ангелъ Божій бросилъ съ неба, чтобы ты хорошо учился, возьми этотъ грошъ себѣ». Я подумалъ: грошъ не худое дѣло и отчего не взять гроша,

но отъ кого и зачѣмъ ангелъ Божій бросилъ грошъ? Съ вопросомъ этимъ я такъ и остался, не разрѣшивъ его. Положивъ грошъ въ карманъ, я началъ усердно поглядывать въ книгу и внимательно читать, чтобы пріобрѣсти расположеніе учителя. Учитель, удивившись, что я знаю не только буквы и склады, но могу и читать сносно, приказалъ бельферу оставить азбуку и прямо читать со мною по книгѣ. Бельферъ занялся со мною чтеніемъ и вѣлъ свое дѣло весьма усердно: то со мною, то съ другими онъ занимался почти цѣлый день; а учитель тѣмъ временемъ дѣлалъ свое дѣло съ старшими учениками: съ однимъ онъ читалъ псалтирь, съ другими—Моисеевы книги, а съ нѣкоторыми переводилъ заданныя мѣста изъ разныхъ книгъ. Надо замѣтить, что книги еврейскія вообще писаны на древнемъ священномъ языкѣ, мало понятномъ для современныхъ евреевъ, говорящихъ «на жаргонѣ»; поэтому учителю приходится переводить каждое слово на жаргонъ, чтобы учащіе понимали то, что читаютъ. Дѣло это весьма нелегкое, но нужно отдать справедливость еврейскимъ доморощеннымъ учителямъ. Не признанные правительствомъ, безъ намека на какія-либо права, они исполняютъ свое дѣло весьма добросовѣстно, за что ихъ и любить народъ, этотъ единственный ихъ вершитель и судья. Попробуй за то учитель небрежно вести свое дѣло, и онъ непремѣнно уронить себя въ глазахъ народа; и тогда рискуетъ не только тѣмъ, чѣмъ можетъ рисковать русскій учитель-чиновникъ, напримѣръ, наградою и слѣдующимъ чиномъ, но и какъ разъ лишиться куска хлѣба. По-неволѣ будешь приложенъ къ дѣлу. Спросяты, пожалуй, много ли получаетъ учитель за такой нелегкій трудъ? Очень немного и чуть ли не наравнѣ съ русскимъ пастухомъ; еврей побѣднѣе платить два злата въ мѣсяцъ, т. е. приблизительно по рублю ассигнаціями; болѣе исправный платить по четыре злата; эту послѣднюю сумму вносилъ за меня и родитель, и учитель былъ крайне доволенъ. Бываютъ маленькие суррогаты: нѣкоторые родители отъ усердія посылаютъ ему разъ въ мѣсяцъ творожку, смѣтаны или другого чего подобнаго, но это уже свободный даръ, и учитель смотритъ на него, какъ на милость. Аналогію съ этимъ учительскимъ положеніемъ представляетъ и положеніе раввиновъ (родъ русскихъ священниковъ): люди болѣе

почтенные и ученые, чѣмъ «меламды» — простые учители, они получаютъ немного больше этихъ послѣднихъ и никогда не посѣтуютъ на свою жизнь, а наоборотъ, всякий разъ, какъ ихъ спросятъ: «какъ живете равви и довольны ли судьбою?» — отвѣтять: «данкенъ Готъ!» т. е. слава Богу! живу: быль-бы «лехемъ леэхель», т. е. хлѣбъ и «бегедъ лилбишъ» — одежда, и благодареніе Господу!

По прошествіи десяти мѣсяцевъ со времени моего поступленія въ школу, отецъ порѣшилъ дать мнѣ экзаменъ, для чего въ одинъ изъ субботнихъ дней пригласилъ знакомыхъ и родныхъ, а также и самого учителя, который въ такихъ случаяхъ всегда обязанъ являться на зовъ желающихъ. Экзаменъ прошелъ блестательно: я читалъ бойко, отвѣчалъ на каждый вопросъ посѣтителя отчетливо и заповѣди, и молитвы; словомъ, что называется, отличился и получилъ отъ всѣхъ экзаменаторовъ по поцѣлую, а отъ отца и матери подарки. Не забуду никогда торжественный день экзамена, доставившій столько радости домашнимъ, знакомымъ и особенно, конечно, мнѣ, когда я, стоя на столѣ, произносилъ «друша», изученный текстъ изъ библіи; а матушка моя отъ этого была въ такомъ восторгѣ, что воскликнула: «о, любезный мой, Вульфъ! изъ твоихъ усть, какъ елей течеть «друша» — слово Божіе!» Это ли было не радостно слышать? За то и угостила же она меня всѣмъ: отварнымъ горохомъ и даже яблоками. Послѣ того началась новая эра въ моемъ развитіи: очередь стояла за изученіемъ библіи. «Милый мой Вульфъ», сказалъ отецъ мнѣ, когда мы остались наединѣ, — много порадовалъ ты меня сегодня, но пора приниматься и за изученіе «Торы» — закона Божія, который дороже для насъ всякаго сокровища. — «Да какъ же, тата, изучить «Тору» *), когда она такая большая и притомъ у насъ ея нѣть, а хранится она въ синагогѣ?» — «Да, дитя мое, сказалъ отецъ, «Тора» въ синагогѣ, тамъ, въ священномъ кіотѣ, ея мѣсто, но вѣдь каждый изъ насъ имѣть и дома «Тору», только не въ пергаментномъ сверткѣ, а въ печатной книгѣ. Эти священные книги известны подъ именемъ «Хумышъ». — «А что такое, тата, «Хумышъ?» — «Пятокнижіе,

* Тора — длинный пергаментный свертокъ, на которомъ написаны все пять книгъ Мозея.

отвѣчалъ отецъ, — это самая священная для нась книга, данная намъ великимъ законодателемъ Моисеемъ на Синаѣ», и при этихъ словахъ указалъ и на самую книгу, виднѣвшуюся на полкѣ шкафа (у каждого еврея есть своего рода библиотека, состоящая изъ книгъ Моисея, молитвослова, книги «Махзеръ» — праздничного устава и многихъ талмудическихъ). Даї-ка мнѣ, тата, «Хумышъ» сказаль я, посмотрю хоть на нее». Отецъ подалъ мнѣ первую книгу — Бытія (у евреевъ пятокнижіе печатается и переплетается не все вмѣстѣ, а каждая книга отдельно); подалъ и другую — «Исходъ» и третью — «Левитъ». Это все Хумышъ?! Какъ же это такъ? спросилъ я отца. Книга одна, а называется Хумышъ — пять? — Да, дитя мое, сказалъ отецъ. Каждая отдельная книга имѣть свое имя, а всѣ вмѣстѣ называются общимъ именемъ «Хумышъ» — Пятокнижіе (Хамише-Хумшѣ тора). Объяснивъ имя священныхъ книгъ, отецъ началъ читать мнѣ первую главу Бытія, обративъ особенное вниманіе на слова первого стиха: «Берешитъ бара элогимъ» — въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Въ этихъ словахъ, говорилъ онъ, скрывается великая тайна творчества Элогимъ — Отца небеснаго, творчества «Мушіаха» — Мессіи и дѣйствія «Руахъ Гакодашъ» — Духа Святого. Прочелъ нѣсколько разъ и всю главу, а потомъ спросилъ меня: понимаю ли я, что онъ читалъ мнѣ? Я отвѣчалъ, что многаго не понимаю, но что самая книга и ея сказаніе о сотвореніи міра мнѣ нравится. Отецъ кротко выслушалъ меня и прибавилъ: «послѣ, послѣ узнаешь все, что не можешь понять теперь; малъ еще ты и многаго понять не можешь; но учись, читай, — читай постоянно «Хумышъ», и вотъ, заключилъ онъ, прими отъ меня этотъ законъ Божій, какъ если бы давалъ его тебѣ Самъ Богъ». Слова эти глубоко врѣзались въ моей памяти...

Не забыть мнѣ, съ какимъ усердіемъ началъ я послѣ того читать «Хумышъ», слыша такъ много отъ отца о важности этой священной книги! Біблія сдѣлалась любимымъ моимъ предметомъ; не только днемъ я занимался ею, но нерѣдко и ночью, или рано утромъ вставалъ я, чтобы первымъ явиться въ школу, будилъ учителя, чтобы тотъ занимался со мною священнымъ дѣломъ. Бывало придешь и долго сидишь у дверей училища, у занесенной

снѣгомъ калитки, пока учитель выбѣть кремнемъ огонь, зажеть свѣчу и впустить меня въ училище. Не легко было переживать эти минуты. Однажды я даже слегка высказалъ отцу о трудности вставать рано, подымать учителя и стоять долго у его калитки на морозѣ, а онъ на это сказалъ: «да, не легко, дитя мое, но что же достается легко? И вещественные блага трудно пріобрѣтать, то можно ли легко получить высшее сокровище — священный законъ? Но за то, какъ выучишься, какъ будешь хорошо! ты сдѣлаешься «хахомымъ» — мудрецомъ, а что можетъ быть выше мудрости? Подобная утѣшительная рѣчь усугубляла во мнѣ любовь и какъ-бы приковывала меня къ изученію священнаго писанія. Всѣ житейскія удовольствія: игры, гулянья, забавы не существовали для меня, какъ не существуютъ и для многихъ другихъ еврейскихъ мальчиковъ. Я зналъ одно — вѣчно сгибать спину надъ св. книгою и только шабашъ доставлялъ тѣлу отдыхъ. Но какъ бы ни было трудно училищное занятіе, а оно все-таки было пріятно, такъ какъ отъ него чаялъ въ будущемъ великія блага. А вотъ что было труднѣе всего — вечеромъ возвращаться домой; кромѣ ходьбы беспокоилъ меня и страхъ, котораго набрался я, проходя мимо синагоги. Есть въ нашей средѣ вѣрованіе, что души умершихъ принимаютъ иногда тѣлесный видъ и являются такими, какими были на землѣ; они могутъ проходить сквозь непроницаемыя мѣста, могутъ проникнуть чрезъ стѣны и запертыя двери. Такія души, по понятію іudeевъ, посѣщаются ночью синагоги и творять тамъ молитвы о своемъ помилованіи. Объ этомъ знаетъ и этому вѣрить каждый еврейскій мальчикъ; наслышанъ былъ объ этомъ и я. Говорили даже, что души умершихъ нерѣдко и стонутъ ночью въ мольбѣ за свои грѣхи и что стонъ ихъ можетъ услышать каждый проходящій мимо синагоги *). Конечно, мнѣ и въ голову не приходило полюбопытствовать, дѣйствительно ли стонутъ ночью умершіе, но когда пробѣгалъ мимо синагоги —

*) Синагога есть мѣсто, куда собираются для совершения общественного богослуженія и для слушанія закона. Синагоги ведутъ начало съ весьма древнихъ временъ; о нихъ упоминается въ псалмахъ 73 и въ Евангеліи Лук. 7, 5. Синагоги въ древности устраиваемы были виѣ города, на высокихъ мѣстахъ, на общей счетъ; это отчасти соблюдалось и нынѣ. Мы ниже подробнѣе объ этомъ скажемъ.

Господи, какихъ только не натерпѣлся страховъ. Разъ, послѣ такой экскурсіи, я почувствовалъ себя совсѣмъ дурно и передалъ объ этомъ матери, а она, по нѣжности своей, сказала: «здоровъ ли ужъ ты, сыночекъ мой?» А такъ какъ у меня на этотъ разъ былъ невыученъ заданный урокъ, то и воспользовался поданною мыслію, отвѣтивъ: «іе мама»—«да, мама, я боленъ.»—«Такъ не ходи въ школу, сказала она, и лягъ въ кровать.» Это-то и было мнѣ на руку. Улѣгшись въ постель, по общепринятому у евреевъ обычаю, я какъ больной, не долженъ быть и, конечно, отказался отъ пищи, хотя на самомъ дѣлѣ къ обѣду быть и очень захотѣлось. Мнѣ, какъ больному, было подано варенье: ужъ такой порядокъ у евреевъ, а хлѣба не дали ни крошки, чтобы не засорить желудка. Ночью голодъ заявилъ свои права. Но что было дѣлать? не подымать же самихъ родителей и просить у нихъ хлѣба? Я придумалъ такую штуку: зная, что хлѣбъ у матери обыкновенно хранится въ боковой каморкѣ и что по полкамъ можно туда попасть, я принялъ по нимъ лазить; но полѣзъ такъ неудачно, что упалъ. Всѣ, конечно, перепугались; отецъ зажегъ свѣчу и увидѣвъ меня лежащимъ на полу, спросилъ о причинѣ. Не зная какъ оправдаться, я ссылался на болѣзнь, но такъ какъ отецъ подозрѣвалъ здѣсь что-то не доброе, то заставлялъ выскажать въ чемъ дѣло; но мать явилась мою защитницей и сказала отцу: «чему тутъ удивляться? ребенокъ боленъ, значитъ—въ бреду, ну, и полѣзъ, Богъ знаетъ, куда». Отецъ махнулъ рукою и хотѣлъ уйти, но мать удержала его и продолжала свою пѣснь: «что ни говори, а все твое излишнее усердіе къ школѣ—причина его болѣзни: посмотрѣль бы ты на него вчера, какъ онъ въ испугѣ прибѣжалъ изъ школы,—вѣдь на немъ и лица-то не было».—«Что же такое случилось, чего онъ испугался?»—«Ахъ, какой ты человѣкъ, крикнула мать, есть ему чего бояться: проходя поздно вечеромъ мимо синагоги, онъ услышалъ голосъ умершаго бѣжавшаго за нимъ».—«Успокойся, матушка, сказалъ отецъ: умершіе не могутъ прикасаться къ живымъ, а тѣмъ болѣе причинять имъ зло; если же и бываютъ такие случаи, то это навожденіе злого духа, противъ котораго есть у насъ средство «Шмире»—заповѣди, охраняющіе насъ на всѣхъ путяхъ, и горѣ тому, кто пренебрегаетъ ими».

Подъ словомъ «шмире» онъ разумѣлъ не десять заповѣдей, а тѣ самыя «цыцесь» — ниточки, висящія на краяхъ жилета, о которыхъ было говорено выше. Раввины строго заповѣдуютъ, чтобы въ каждой «цыцесь» было непремѣнно по восемь нитокъ *) и не будь хоть одной — горе! Мать тотчасъ принялась осматривать мой «арбаканфисъ» — жилетъ, чтобы убѣдиться, всѣ ли четыре «цыцесь» на лицо и на всѣхъ ли имѣется по восемь нитокъ; замѣтивъ на одномъ краю жилета оборванную «цыцесь», она пришла въ ужасъ и тутъ же внушila мнѣ: «такъ вотъ отчего ты, дитя мое, набираешься такого страха, проходя мимо синагоги, у тебя не всѣ «цыцесь», а знаешь, чему можешь подвергнуться безъ этой священной защиты?! сохрани и помилуй тебя Господи!» Отецъ далъ кончить матери и тутъ же отъ себя утѣшилъ богословскимъ трактатомъ. «Чего же бояться, говорилъ онъ, продолжая свою прежнюю мысль. Мы вѣруемъ, что человѣкъ на вѣки не умираетъ, что его душа живетъ, а слѣдовательно, между умершими и живыми существуетъ нѣкоторая связь; такъ напримѣръ, мы молимся за нихъ, а умершіе за насъ**), вѣруемъ также, что нѣкоторые души, по разлученіи съ тѣломъ, снова переходятъ въ тѣла другихъ, напримѣръ: душа праведнаго Авраама могла перейти въ праведника Исаака, а душа послѣдняго въ тѣло праведника Іакова». Эти слова и убѣженія отецъ мой, какъ ученый талмудистъ, подтверждалъ и многими мнѣніями древнихъ раввиновъ. Такъ онъ указалъ на учение талмуда «Мидраша», гдѣ говорится, что душа великаго учителя и пророка Моисея предъ кончиною своею упрашивала Бога не лишить ее священнаго жилища, т. е. тѣла Моисея, въ которомъ она пребывала непорочно сто двадцать лѣтъ. И отчего, сказалъ отецъ, такъ не хотѣлось душѣ Моисея выйти изъ тѣла? Отъ того, что она боялась попасть въ тѣло низшаго человѣка и проч. и проч. Я долженъ сказать тебѣ, заключилъ отецъ; что несчастіе легко можетъ случиться съ чело-

*) Ношеніе „цицесь“ основано на предписаніи Моисея (кн. Числъ, гл. 15 ст. 37). Фарисеи любили пришивать къ краямъ этихъ ризъ репейникъ, чтобы они ихъ кололъ и тѣмъ напоминали о заповѣдяхъ.

**) Мысль свою отецъ подтверждалъ и общимъ вѣрованіемъ евреевъ, основаннымъ на преданіи синагоги и ученикѣ талмуда, которое гласитъ: „душа умершаго все чувствуетъ, все слышитъ о чёмъ говорятъ домашніе.“

въкомъ (іудеемъ) и тогда, если онъ, проведши день не такъ, какъ должно, и легъ вечеромъ спать не прочитавъ «крышмо». Замѣтимъ между прочимъ, что «крышмо» есть молитва, которую еврей читаетъ отходя ко сну. Засыпающій израильтянинъ, боясь, чтобы онъ не уснулъ на вѣкъ (по убѣжденію евреевъ это случиться можетъ), обращается къ ангеламъ, какъ къ небесной стражѣ съ слѣдующей молитвой: «св. ангелы, именемъ Господнімъ, молю васъ, пребудьте со мною въ сию ночь: съ правой стороны ограды меня архистратигъ Михаилъ, съ лѣвой—Гавріилъ, впереди—Орілъ, сзади Рафаилъ, а надъ головою мою да почietъ Духъ Святой: въ Руцѣ Твои, Господи, предаю Духъ мой. (Сидеръ).»

Очень можетъ быть, что всѣми этими соображеніями отецъ хотѣлъ меня успокоить, чтобы я болѣе не боялся умершихъ; но я все-таки ихъ боялся, и всякий разъ, какъ проходилъ мимо синагоги, мнѣ такъ и мерещилось, что вотъ какаянибудь молящаяся душа бѣжитъ за мною. Успокоился я только тогда, когда переведенъ былъ въ талмудическую школу, стоявшую на противоположной сторонѣ отъ синагоги.

IV.

Еврейскія среднія и высшія училища (Хейдеры).

Въ каждомъ городѣ западнаго края есть нѣсколько родовъ хейдеровъ (училищъ): низшаго разряда, средняго и высшаго, известнаго подъ именемъ «талмудъ тора». Кромѣ этихъ училищъ существуютъ еще эшиботы—городскія и окружныя училища, въ которыхъ учащіеся, особенно бѣдные сироты имѣютъ постоянный пріютъ и столъ.

О хейдерахъ низшаго разряда мы уже говорили, прибавимъ къ сказанному только то, что каждый еврейскій мальчикъ обязанъ учиться *). Дѣло обученія происходило такъ: меламедъ (учитель) учитъ каждое дитя по 10 минутъ приблизительно. Малютка, кон-

*) Дѣвочки же не учатся, талмудъ избавляетъ женщину отъ ученія и внушає ей учиться у мужа правиламъ вѣры и соблюдать свято только три правила: 1-е исполнять надлежащимъ образомъ обязанность жены къ мужу и быть покорной ему, 2-е отдать кусочекъ тѣста при печеніи субботнихъ хлѣбовъ (непре-

чившій свой урокъ, остается въ учебной дожидаться своей 2-ї и 3-ї очереди и вмѣстѣ съ тѣмъ привыкаетъ проводить весь день въ хейдерѣ. Окончивъ ученіе, всѣ учащіеся выстраиваются въ шеренгу и вслухъ читаютъ молитву и затѣмъ расходятся по домамъ.

Въ среднихъ училищахъ изучаютъ библію съ коментаріями раввина Раши. Тутъ пріемъ преподаванія другого рода: учитель читаетъ и переводить каждое слово отдельно на употребляемый евреями жаргонъ, а ученики всѣ вмѣстѣ повторяютъ за нимъ. Хотя въ этомъ хейдерѣ учениковъ бываетъ мало, но все-таки крикъ при этомъ происходитъ оглушительный, такъ какъ одинъ передъ другимъ старается перекричать толкованное ему учителемъ.

Въ высшихъ же талмудическихъ хейдерахъ ученики сперва сами просматриваютъ 1—2 листа, а потомъ читаютъ этотъ урокъ при учителѣ, который объясняетъ непонятныя ими мѣста и указываетъ на разрѣшеніе ихъ. Наконецъ, въ эшиботахъ высшихъ изучаютъ всю талмудическую и кабалистическую мудрость. Дѣти зажиточныхъ евреевъ, проучившись 10—12 лѣтъ, оставляютъ училище и вступаютъ въ жизнь. Первымъ дѣломъ кончившій курсъ, что бываетъ на 18 году, считаетъ долгомъ жениться, во исполненіе заповѣди относительно размноженія рода человѣческаго, такъ что мальчикъ 18 лѣтъ стоитъ уже подъ «хупе» (балдахинъ, подъ которымъ совершается бракъ), стоять потупивъ глаза, а рядомъ съ нимъ въ такой же позѣ стоитъ его невѣста, не осмѣливающаяся поднять глаза вверхъ, чтобы взглянуть на жениха своего: это считается не приличнымъ и предосудительнымъ по талмуду.

А что сказать о тѣхъ бѣдныхъ, несчастныхъ сиротахъ, которые окончивъ курсъ въ эшиботѣ, не знаютъ куда голову преклонить. Положеніе ихъ по истинѣ жалкое: они должны по необходимости оставаться въ эшиботѣ и пресмыкаться по міру всю жизнь. Эшиботскій субъектъ по-неволѣ съ раннихъ лѣтъ становится отшельникомъ; еврейскій отшельникъ — это нѣчто въ родѣ полу-монаха, проводящаго всю свою жизнь въ постѣ и молитвахъ за

мѣнико пшеничныхъ) въ память того, что евреи въ палестинѣ отдавали двадцать четвертую часть тѣста для храма, и 3-е, во-время зажигать свѣчи наканунѣ субботы.

себя и другихъ. При всѣхъ печальныхъ случаяхъ призывается отшельникъ. Когда въ какомъ-нибудь домѣ появится болѣзнь, когда врачъ отчаявается, а друзья плачутъ, тогда нанимаютъ этого человѣка читать псалмы и молить небо, чтобы оно отвратило грозящее бѣдствіе. Когда ударъ разразится, и рука смерти поразитъ милую голову, отшельникъ всю ночь сидитъ при усопшемъ и молитъ Бога о упокояніи души. Онъ молится у колыбели новорожденнаго дитяти, которое едва раскрываетъ глаза, такъ же сидитъ онъ и у постели умирающаго.

Такъ вотъ какова участъ несчастнаго эшиботскаго обитателя. Къ чему же было такому бѣдняку долго учиться, скажетъ иной христіанинъ, особенно современный молодой человѣкъ, когда ученіе ничего не даетъ ему? Еврей никогда такъ не скажетъ, онъ руководствуется правилами отцовъ, что учиться необходимо каждому израильянину и не для материальныхъ выгодъ, а для высшихъ цѣлей: чтобы чрезъ ученіе познать Бога и все, что Имъ совершенено въ мірѣ для блага людей; чтобы уразумѣть смыслъ жизни, и то, чѣмъ мы отличены отъ животныхъ, и что мы созданы для прославленія имени Божія. Руководствуясь подобными мыслями, евреи учатся охотно и усердно *). Есть правда еще цѣль еврейскому юношѣ учиться прилежно и пріобрѣтать талмудическія познанія,—чтобы сдѣлаться «хахомъ»—мудрымъ и «тана»—ученымъ и достичь высокочтимаго званія раввина. Вотъ чего жаждеть еврейской юноша: быть раввиномъ для него тоже, что для русскаго человѣка — воина быть генераломъ. Если бы кто спросилъ, на какія средства можетъ содержаться такая масса еврейского учащагося юношества? На средства кагальной казны, вѣрнѣ, на денежки, собираемыя съ евреевъ: съ лавокъ, съ особенного свѣчнаго сбора, т. е. со свѣчъ, зажигаемыхъ въ шабашъ, за рѣзаніе скота и тому подобное **).

*) Какъ дорога для еврея духовная наука—предметъ Св. писанія, видно изъ того, что онъ о своемъ ученіи всегда говорить и съ особеннымъ удовольствиемъ; а книжки, по которымъ онъ учился, никогда не бросаетъ: они составляютъ це-разлучныхъ друзей его жизни, особенно тщательно сохраняются молитвенники и пятокнижіе.

**) Существуютъ специальные сборы на содержаніе еврейскихъ обществен-ныхъ и богоугодныхъ учрежденій, а также школъ.

Поборы эти весьма значительны и тягостны для евреевъ. Большая часть денегъ остается по карманамъ кагала; довольно сказать одно, что кагалъ расходуетъ деньги безъ контроля, а польза народу не велика. Правда, у кагала есть прекрасная ширма, за которыми онъ показываетъ народу плоды своихъ дѣлъ, мы разумѣемъ высшіе эшиботы, содержащіе имъ на народный счетъ. Таковы существуютъ: одна въ мѣстечкѣ Волынже (Виленской губерніи), а другая въ городѣ Мирѣ (Минской губерніи), гдѣ дѣйствительно учится множество еврейской молодежи, но и эти высшіе разсадники производятъ горькіе плоды: оканчивающіе въ нихъ курсъ набираются больше фанатизма, чѣмъ истиннаго просвѣщенія, и вражды ко всему христіанскому и служить неотразимымъ тормазомъ жидовства, они обособляютъ евреевъ отъ всѣхъ и вся. Но оставимъ не интересную рѣчь объ эшиботахъ. Скажемъ лучше о томъ, что достойно большаго вниманія — объ обрядахъ синагоги, именно о возложеніи хранилищъ.

Когда еврейскій мальчикъ научится Библіи, то надъ нимъ совершается какъ бы посвященіе обрядъ возложенія хранилищъ (тфилинъ).

Этотъ обрядъ весьма важенъ для израиля и, конечно, въ частности онъ былъ такимъ для меня, особенно когда отецъ объяснилъ мнѣ смыслъ и значеніе употребленія хранилищъ. По достижениіи 13 лѣтъ, отецъ, подозвавъ меня, сказалъ: сынъ мой, на дняхъ ты сдѣлаешься «балмицве» — совершеннымъ мужемъ израильскимъ, достойнымъ къ возложенію на себя «тфилинъ» — хранилищъ. Съ этого времени не я уже буду отвѣтчица за грѣхи твои, а ты самъ, значитъ ты долженъ нынѣ вести новую жизнь и не грѣшить. Я все слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Особенно заинтересовало меня то, что сдѣлаюсь «балмицве» и сподоблюсь возложить на себя хранилища. Шуточное ли дѣло, подумалъ я, быть «балмицве», — ведь съ этого времени я буду уже принять въ число израильскихъ мужей, необходимыхъ для общественного богослуженія — въ число того минимального числа десяти, безъ котораго не мыслимо и совершеніе самой службы *). Такъ я былъ наканунѣ возложенія «хранилищъ».

* У евреевъ считается невозможнымъ совершать богослуженіе, когда нѣть на

V.

Употребление хранилищъ (тфилинъ) и значение ихъ *).

Хранилища, иначе Богомолія, обязанъ возлагать на себя каждый израильтянинъ, достигшій 13 лѣтъ, согласно предписанію закона Моисея: *и да будетъ тебѣ это (тфилинъ) знакомъ на руکѣ твоей и памятникомъ предъ глазами твоими, дабы законъ Господень былъ въ устахъ твоихъ; ибо рукою крѣпкою вывелъ тебя Господь (Богъ) изъ Египта.* Исполняй же уставъ сей (Исх. 13 гл. 9 ст.). Въ тфилинъ вложены и другія записки съ словами писанія: слушай израиль Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть. И люби Господа Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твою (Второзак. 6, 4). Въ силу этого въ еврейскомъ богослуженіи имѣютъ весьма важное значение хранилища. Каждый еврей, будь онъ не только дома, но и въ дорогѣ, въ вагонѣ, когда наступаетъ часъ утренней молитвы, долженъ непремѣнно надѣть «тфилинъ»—хранилища, и онъ это свято исполняетъ, не думая о томъ, что можетъ подвергнуться осужденію иного христіанина; онъ знаетъ одно, что творить богоугодное дѣло—исполнять законъ Моисеевъ. Женщины и мальчики стоять вѣтъ этого правила, — потому, какъ полагаютъ раввины, что ихъ и важная дѣла не имѣютъ никакого значенія въ очахъ Божіихъ. Но мужчины—я разумѣю взрослыхъ,—обязаны надѣвать ихъ. «Тфилинъ»—это два ящичка (батымъ) изъ черной телячьеї кожи, внутри которыхъ хранятся, такъ называемыя, парашаты (паршисъ)—четыре небольшіе куска пергамента съ словами закона: одно головное, называемое «шель-рошъ», другое ручное—«шель-ядъ». На головномъ ящикѣ (хранилищѣ) изображена буква «и», выражающая имя Бога (Шадай). Головное хранилище имѣеть внутри четыре перегородки и въ каждомъ отде-леніи вложенъ кусокъ пергамента съ словами ст. 13—21 пятой кн. Моисея, гл. 11-й. Тѣ же самыя слова, только написанныя на

лицо, по крайней мѣрѣ, десяти молящихся. Если не достаетъ хоть одного, служба не совершается.

*) „Тфилинъ“ значитъ молитва, отъ слова „тфиле“; Иисусъ Христосъ называлъ это хранилищемъ (Мате. 23, 5).

одномъ кускѣ пергамента, раздѣленномъ линіями на четыре части, находятся въ хранилищѣ, которое евреи надѣваютъ на руку.

Записки эти они тщательно завертываютъ въ другіе куски пергамента, обвиваютъ ихъ волосами изъ хвоста коровы или теленка — разумѣется старательно вымытыми, затѣмъ, какъ мы говорили, вкладываютъ въ хранилища. То и другое хранилище привязывается черными ремешками изъ кожи чистыхъ животныхъ, одно — къ головѣ, на лбу, другое — на голую лѣвую руку. Ремешки головнаго хранилища обходять вокругъ головы, завязываются на затылкѣ особеннымъ узломъ и одинъ ремешокъ спускается ниже поясницы, другой не доходитъ до поясницы. Хранилище на руку надѣвается прежде головного и нѣсколько ниже плеча; ремень обвивается около руки семь разъ, идетъ къ кисти и обходитъ около четырехъ пальцевъ. Описанныя хранилища возведены талмудомъ на такую степень важности, что будто и Самъ Богъ скорѣе внимаетъ молитвамъ съ хранилищами и за употребленіе ихъ награждаетъ іudeя долголѣтнею жизнью. Раввинъ Симонъ бенъ Лакишъ съ увѣренностью говоритъ: «кто ежедневно употребляетъ, въ определенное время, хранилища, тотъ въ награду за это долго живеть». Зная все это, можно вообразить съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я дня, когда сподоблюсь на себя возложить «тфилинъ». Зналъ это, конечно, и отецъ, почему заблаговременно позаботился пріобрѣсть для меня отъ ученаго «софра» (литографа) прекрасно написанныя хранилища. Принеся ихъ домой, онъ показалъ мнѣ, тщательно уложивъ ихъ въ шелковую сумочку и, подавая, сказалъ: «вотъ вѣчная твоя святыня, пусть священные слова, вложенные въ эти «тфилинъ» — коробочки, начертятся въ сердцѣ твоемъ. Такъ какъ завтра канунъ твоего дня, то совѣтуя тебѣ поститься». Я воспользовался его совѣтомъ и до звѣзды ничего не бралъ въ ротъ. Въ самый день возложенія на меня святыни, отецъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторые вопросы, имѣющіе отношеніе къ хранилищамъ, напр.: «для чего пишется на головномъ богомоліи буква *и*, и что она означаетъ?»

Я отвѣтилъ: «она означаетъ «Шадай», имя Бога, Который есть благъ и милостивъ».

— Такъ, сынъ мой. А для чего тфилинъ кладутъ на лобъ?

— Для того, отвѣтилъ я, что въ головѣ находится душа; голова управляетъ всѣми членами и даетъ всему силу разумѣнія.

— И это вѣрно; знай, учителя наши говорятъ: «голова есть сѣдалище мысли, а изъ сердца исходить всѣ помышленія добрая и злыя». Отецъ, похваливъ меня за отвѣты, велѣлъ идти скорѣе въ синагогу, чтобы не пропустить начала богослуженія. Мать, стоя у дверей подобно Саррѣ, внимательно слушала наставленіе отца. Я поклонился ей, она обняла меня и, крѣпко поцѣловавъ, сказала: «дорогой сынъ мой, молись за меня, молитва твоя сегодня особенно важна предъ Господомъ! будь ты нашимъ кадышемъ — молитвенникомъ» *). Отецъ отправился со мною пораньше въ синагогу, чтобы объяснить и указать мнѣ, какъ возлагать хранилища. Прежде всего, говорилъ онъ, нужно привязать ручное «богомоліе» (тфилинъ шел-ядъ), потому что здѣсь начальная буква такого рода, что если одѣть сперва головное хранилище, то на головѣ получилось бы имя «чортъ». Привязывать же «богомолія» нужно на голое тѣло ремешкомъ, вдернутымъ въ хранилище и обвертывать имъ семь разъ вокругъ руки въ знакъ семи дней недѣли и произносить слова: «веатэмъ адекимъ бе адонай элой эхемъ», т. е. присовокупитесь, прильпитеся къ Господу Богу вашему и проч. Концомъ же ремешка должно обвертывать средній палецъ и произносить слѣдующій стихъ: «обручу тя себѣ во вѣкъ и обручу тя себѣ въ правдѣ и судѣ». При этомъ необходимо строго наблюдать, чтобы литера богомолія приходилась противъ сердца, чтобы напоминать о Богѣ и хранить имя Его въ сердцѣ. Послѣ этого длиннаго наставленія, я съ благоговѣніемъ возложилъ на себя хранилища. Боже! какую радость испытывала душа моя, когда я почувствовалъ на головѣ хранилище,— будто корона была возложена на меня! Современный человѣкъ пожалуй и улыбнется на это сравненіе; но смѣло повторяю, въ ту пору эта, повидимому, простая вещь дѣйствительно для меня казалась короною, думалось мнѣ, что духъ самаго закона почиваетъ на мнѣ, благодаря

*) Евреи вѣрять, что сынъ можетъ отмолить грѣхи родителей и потому каждый изъ нихъ особенно желаетъ имѣть сына и, когда рождается мальчикъ, говорятъ: «слава Богу, нажили кадыша» — молитвенника. И дѣйствительно, только мальчику позволяется совершать громогласно въ синагогѣ молитву объ усопшихъ родителяхъ.

этимъ хранилищамъ... Исполнивъ по всѣмъ правиламъ талмуда, обрядъ, относящейся къ употребленію хранилищъ, я съ особенною важностию, и какъ бы уже на правахъ совершенного мужа, усьлся на свое мѣстѣ и ждалъ открытия общественного богослуженія. Богослуженіе не замедлило начать въ обычномъ новоіудейскомъ типѣ, какъ оно совершается скажемъ ниже, а теперь познакомимъ читателя съ синагогой.

VI.

Синагога на евр. языке означаетъ „бетъ-гакнесетъ“— соборъ.

Мы замѣтили выше, что синагоги существовали у евреевъ еще съ древнихъ временъ. Во времена Іисуса Христа, кромѣ храма іерусалимскаго, было вездѣ не мало синагогъ; они служили не только домомъ молитвъ, но были и сборнымъ пунктомъ, для обсужденія общественныхъ вопросовъ и для публичныхъ чтеній. Съ теченiemъ времени въ синагогѣ стало помѣщаться училище для дѣтей и взрослыхъ, вслѣдствіе чего она получила название: «бетъ гамедрагъ» школа. Современная синагога — четырехугольный корпусъ, окруженный длинными и узкими чуланами и коридорчиками, въ которыхъ помѣщаются еврейскія женщины во время общественного богослуженія. Талмудъ изгналъ еврейскихъ женщинъ изъ духовнаго міра, завѣты и обряды для нихъ почти не обязательны, а по примѣру талмуда и домъ молитвы (синагога) также ихъ гонитъ, и бѣдныя еврейки должны получать свою духовную пищу за стѣною синагоги.

Внутренній видъ синагоги.

На срединѣ восточной стороны синагоги поставленъ кивотъ — хранилище для тора — свитковъ, которыхъ бываетъ по нѣсколько въ синагогѣ.

По срединѣ синагоги поднимается эстрада, которая своими четырьмя незатѣйливыми колоннами поддерживаетъ обыкновенно сводъ, или потолокъ зданія. Эстрада служить мѣстомъ для чтенія

пятокнижія и пророковъ. Предъ кивотомъ находится площадка, на которую нужно подняться по нѣсколькимъ ступенямъ — это амвонъ, съ которого по синагогѣ раздается слово проповѣдника. Внизу, возлѣ амвона, направо, стоитъ «амодъ» (налой), при которомъ канторъ или частное лицо, заступающее его мѣсто, совершаеть общественное моленіе. Еще правѣе, недалеко отъ амода, на пьедесталѣ, состоящемъ изъ четыреугольного полузакрытаго ящика, наполненнаго пескомъ, красуется большой семивѣтвенный подсвѣчникъ изъ желтой мѣди, который, вмѣстѣ съ полукругообразными люстрами, опущенными на шнурахъ изъ свода, составляетъ главное украшеніе храма. Вокругъ стѣнъ синагоги имѣются скамейки, перегороженные на мѣста *) и малые налойчики. Тора (свитокъ) украшается иногда: серебряною короною съ колокольчиками, серебряными пластинками, на которыхъ можно прочесть имена ихъ пожертвователей и проч. Кивотъ, большой налой и эстрада бываютъ иногда украшены деревянными рѣзными фигурами, причемъ левъ, леопардъ, олень и орель являются символами, говорящими, что къ исполненію приказаній Іеговы каждый долженъ подвигаться со смѣлостью леопарда, съ легкостью орла и проч. Стѣны синагоги тоже иногда щеголяютъ фресками стряпни еврея самоучки, которые представляютъ: Авраама, приготовляющаго Исаака въ жертву, Самсона, раздирающаго льва, Левіаѳана въ видѣ щуки, лежащей большимъ кольцомъ, держа хвостъ въ зубахъ; посрединѣ этого кольца обыкновенно изображенъ Іерусалимъ построенный прямо на морѣ. Встрѣчается иногда на стѣнахъ и шаръ — «габарь» (бегемотъ) и дикій пѣтухъ и проч.

Синагогальная утварь.

Священнѣйшие предметы синагоги, кромѣ тора (свитка закона), состоящаго изъ пятокнижія, слѣдующіе: «1, Хомешъ Мгилотъ» (пять книгъ изъ Ветхаго Завѣта), а именно: Пѣснь пѣсней,

*) Мѣста въ синагогѣ пріобрѣтаются за деньги на всегда, т. е. въ наслѣдство переходящее; мѣста (сѣдалища) на восточной сторонѣ цѣнятся дороже. Евреи ожидаютъ съ востока пришествія Мессіи и потому въ главнѣйшихъ мѣстахъ молитвы обращаются лицомъ къ востоку. Первое мѣсто занимаетъ раввинъ. Вырученные деньги идутъ въ пользу синагоги.

Еклезіасть, Есопъ, Руѣль и плачъ Іеремії; 2, Невіімъ, нѣкоторыи главы изъ пророковъ (1); 3-е «Кисе-шель элюгу» (тронъ Ильи пророка). Этотъ тронъ состоитъ изъ обыкновенного небольшого дивана, на которомъ возсѣдаеть лицо, держащее на колѣняхъ младенца, во время совершенія надъ нимъ процесса обрѣзанія, если таковой совершается въ синагогѣ; и 4, «Хупа» — балдахинъ, состоящій изъ четырехъ простыхъ окрашенныхъ кольевъ и холстинъ, подъ которымъ совершается брачный обрядъ. Вотъ главные черты внѣшняго и внутренняго вида синагоги.

Теперь скажемъ о синагогальномъ богослуженіи.

VII.

Еврейское богослуженіе.

Богослуженіе евреевъ состоитъ изъ псалмовъ и молитвъ, составленныхъ раввинами по разрушениіи храма, когда прекратилось жертвоприношеніе и не стало жертвенника, а въ Іерусалима и храма израилю, по закону Моисея, воспрещалось приносить жертвы, поэтому заботливые раввины, какъ мы сейчасъ сказали, составили различные молитвы, замѣняющія жертвы, которыхъ и называются «кторисъ» — (жертвоприношенія) *). Молящійся израильянинъ изливаетъ душу свою предъ Богомъ, восклицая такъ: «Эзегу мекойманъ шель зэвохомъ» — гдѣ это священное мѣсто — храмъ и жертвенникъ, на которомъ священники наши приносили жертвы и возливали кровь на алтарь для умилостивленія Бога? Увы! нынѣ ничего этого нѣтъ у насъ: святыня наша сожжена, жертвенникъ разрушенъ и все бывшее въ храмѣ попрано врагами. Прочитавъ «кторисъ», предваряютъ богослуженіе слѣдующими словами: «Да восхвалится и возвеличится Богъ живый присно-сущный», при этомъ произносятъ символъ вѣры 1) Вѣрю, что Богъ одинъ, и нѣтъ другого подобного Ему **).

*.) Утрення молитва евреевъ должна быть читаема на тошакѣ и непремѣнно на древне-еврейскомъ языке, такъ какъ ангелы, предстоящіе тутъ для возношенія молитвъ израиля на небо, не зная иного языка, кроме еврейскаго, могутъ только таковыя возносить къ Богу.

**) О единствѣ Бога раввины, особенно знаменитъ Маймонидъ (святыло израиля),

и безконеченъ въ Своемъ единствѣ. 2) Онъ безълесенъ. 3) Онъ былъ прежде созданія міра. 4) Вѣрую, что Іегова далъ законъ народу израильскому чрезъ великаго пророка Моисея вѣрнаго раба Своего. 5) Вѣрую, что Господь воздастъ каждому по дѣламъ его: праведнику по благимъ поступкамъ его, а нечестивому по его злымъ дѣяніямъ. 6) Вѣрую, что въ послѣдніе дни—предъ кончиною міра Господь пошлетъ намъ Спасителя, Искупителя. 7) Вѣрую, что Онъ—Іегова воскресить мертвыхъ (Сидеръ 2 стр.).

По окончаніи исповѣданія вѣры хазинъ (уставщикъ) восклицаетъ: «Благословенъ Ты, Богъ нашъ, Царь міра, избравшій насъ отъ всѣхъ народовъ и даровавшій намъ законъ Твой; благословенъ Ты, Господь, Законодатель! Затѣмъ произносить благословеніе, о которомъ упоминается въ книгѣ Числь. Послѣ этого читается краткое славословіе; благодарять Бога за то, что Онъ создалъ ихъ израильтянами, прославляютъ Его за то, что Онъ благоволилъ имъ дать законъ св. на Синаѣ, наконецъ, благодарять за то, что воскресить умершихъ. Потомъ громогласно взываютъ: «Рибойнъ колъ ойлумимъ»—Начальникъ (Господь) всѣхъ міровъ, не ради нашей праведности, но ради великаго милосердія Твоего помилуй насъ, повержающихъ моленіе наше предъ Тобою. Ибо кто мы? Что такое жизнь наша, милосердіе наше, благочестіе, помощь, сила и мужество наше? Чѣмъ намъ похвалиться предъ Тобою, Господь Богъ нашъ и Богъ предковъ нашихъ? Ибо всѣ сильные мужи предъ Тобою—ничто, великихъ какъ будто бы не бывало; люди мудрые какъ бы безъ всякаго познанія, и разумные какъ бы безъ всякаго понятія, ибо большая часть ихъ дѣяній суeta и дни ихъ жизни предъ Тобою ничто (Сидеръ стр. 11). Іудей, сказавъ такъ о ничтожествѣ человѣка, заводить, однако, другую рѣчь: «Но мы народъ Твой, сыны завѣта Твоего, дѣти Авраама, возлюбленнаго

не мало разсуждаютъ, и всѣ приходятъ къ тому, что единство Бога, существа безпредѣльного, не имѣть нигдѣ равнаго Себѣ единства. Съ этимъ, конечно, согласится и христіанинъ, хотя вѣрюетъ, что Богъ единъ по существу, но троиченъ въ лицахъ, подобно тому какъ у евреевъ известны: „шемъ-имя“ (Богъ-Отецъ), „Шейхина“—присутствіе Божіе (сіяніе славы и образъ ипостаси Его, какъ говорить ап. Павелъ (Евр. 1, 3) и „Руахъ-Гакодашъ“—Духъ Св. Который почивалъ на пророкахъ. Еще въ другомъ мѣстѣ слова Моисея: „слыши, израилю Господь Богъ нашъ—Господь единъ есть“ (Второзак. 6, 4)—объясняются съ подлинника такъ: Іегова—Богъ Отецъ, Елогену—Сынъ Божій, Іегова—Духъ Святый есть единій Богъ.

Твоего, которому Ты клялся на горѣ Моріа, съмъ Исаака, единороднаго его, который былъ связанъ на жертвенникѣ,—племя Якова; сына первенца Твоего, котораго Ты, ради любви, ею же возлюбилъ его, и радости, ею же радовался о немъ, назвалъ именемъ Израиля (Богоборца) и «Іешурна»—праведника.

Сего ради мы обязаны благодарить, хвалить и величать Тебя, благословлять, освящать и прославлять имя Твое.

Іудеи, какъ бы сознавая, что Богъ всегда близъ нихъ и готовъ, какъ чадъ Авраама, всегда миловать, говорятъ: Блаженны мы, какъ хорошъ нашъ удѣлъ (въ смыслѣ избранія въ народъ Божій), какъ сладокъ нашъ жребій, и какъ прекрасно наше наслѣдство (Царство Божіе). Блаженны мы, что бодрствуемъ рано утромъ и поздно вечеромъ и взываемъ два раза въ день: «шема ишроэль»—слушай израиль! Господь Богъ нашъ—Господь единъ есть! Фарисеи подхватываютъ эти слова и долго кричать изо всей силы: «Эходъ!»—единъ, единъ! Но ихъ прерываетъ хазинъ могучимъ голосомъ своимъ: «Буди благословлено имя Его, слава и царство во вѣки вѣковъ» и продолжаютъ:

«Ты (Іегова) былъ тотъ же прежде сотворенія міра, тотъ же и послѣ творенія, въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ Ты тотъ же Господь. Освяти имя Твое на тѣхъ, которые свято чтуть Его, святи имя Твое въ мірѣ Твоемъ и благодатію Твою, да возвысится и возвеличится родъ нашъ. Благословенъ Ты, Богъ нашъ, освящающій имя Твое предъ лицомъ всѣхъ людей. Ты Господь нашъ на небѣ и на землѣ и превыше вышихъ небесъ. Воистину Ты—первый и Ты—послѣдній, и кромѣ тебя нѣтъ Бога. Собери уповающихъ на Тебя съ четырехъ концовъ свѣта, да узнаютъ всѣ живущіе въ мірѣ и уразумѣютъ, что Ты единъ Господь надъ всѣми царствами земли» (Сидеръ 12 стр.).

По прочтеніи этихъ молитвъ, всѣ молящіеся, кромѣ юношей и не женатыхъ, надѣваютъ на себя «таліоѣ», или, какъ произносятъ современные евреи, «таласъ» *), при чёмъ говорятъ:

*) Таласъ имѣеть иѣкоторое подобіе священнической ризы съ черными полосами посерединѣ; молящіеся закидываютъ его на плечи во время богослуженія. Богатые обшиваютъ талиоѣ серебрянымъ галуномъ и вдѣваютъ въ края его вышеупомянутыя цицісъ. Этому талпеу раввины приписываютъ „тарьягъ-мшевесъ”—

«Благословенъ Ты, Господь Богъ нашъ, Царь міра, освятившій нась Своими заповѣдями и заповѣдавшій намъ облачаться въ цицисъ (см. Сидеръ 15 стр.). Послѣ этого открывается общественное богослуженіе. Хазанъ—уставщикъ, вставъ съ своего мѣста, съ важностью подходитъ къ кивоту, ударяетъ по обыкновенію рукою по налою въ знакъ того, чтобы всѣ умолкли; въ синагогѣ водворяется тишина, и онъ возглашаетъ: «Ойду Ладонай кирю бишмой»—хвалите имя Господне, яко Онъ благъ и въ вѣкъ милость Его; возвѣщайте въ народахъ дѣла Его, пойте Ему, хвалите Его, повѣстуйте о всѣхъ чудесахъ Его. Славьте, сыны израиля, Господа яко Онъ благъ и въ вѣкъ милость Его; превозносите Его, ибо Онъ чуденъ въ дѣлахъ Своихъ. Молящіеся дружно подхватываютъ эти слова, повторяя ихъ за хазиномъ. И Боже мой, какимъ страшнымъ крикомъ оглашается синагога при произношеніи этихъ словъ, особенно со стороны фарисеевъ, каждый изъ нихъ старается какъ можно громче кричать: «Онъ благъ и въ вѣкъ милость Его» *). Далѣе хазинъ восклицаетъ: «трепещите предъ Господомъ всѣ земли, ибо Онъ устроилъ вселенную непоколебимо! Да возвеселятся небеса, и торжествуетъ земля, и да скажутъ они народамъ, что Богъ водарилъ! Тогда восплачеть море, и все, что наполняетъ его, возрадуется поле, и все, что на немъ; тогда будутъ ликоватъ всѣ деревья, дубравы предъ Господомъ, ибо Онъ идетъ судить землю. Славьте Господа, ибо Онъ благъ, милость Его вѣчна, и говорите: помоги намъ, Богъ помощникъ нашъ, спаси и собери нась отъ народовъ, дабы благодарить святое имя Твое и величаться славою Твою. Благословенъ Господь Богъ израилевъ отъ вѣка и до вѣка!» Весь народъ отвѣчаетъ: амины! Затѣмъ хазинъ восклицаетъ: «не лиши нась

613 повелѣній, или добрыхъ благихъ дѣлъ, т. е. кто одѣвается въ талисъ, толь какъ бы уже исполнилъ 613 благихъ дѣлъ. Кто же этого не исполняетъ, сейчасъ же послѣ смерти злые духи потащутъ такого грѣшника въ адъ, хотя бы онъ и похороненъ былъ въ талиѣ. Ведшему жизнь не по правиламъ талмуда и считающемуся грѣшникомъ достается и здѣсь; погребальщики пинками толкаютъ несчастнаго въ могилу, крича „гои!“

*) При моленіи евреевъ считаются необходимыми: возгласы, ударенія въ грудь, стоны, хлопаніе руками; всѣмъ этимъ отличаются фарисеи, показывающіе, что они истинные израильяне, потомки Авраама. На самомъ же дѣлѣ они потеряли образъ древнихъ истинныхъ израильянъ.

Господи, милосердія Твоего: ибо милость Твоя и истина Твоя непрестанно охраняетъ израиля! Вспомни милосердіе Твое, Господи, и милость Твою: ибо они отъ вѣка суть. Воздайте силу Богу: величіе Его надъ израилемъ и могущество Его на облакахъ! Страшенъ Ты, Боже, на святилищѣ Твоемъ! — Богъ израилевъ даетъ силу и крѣпость и силу народу; благословенъ Богъ, Богъ мщенія Іегова, Богъ мщенія явился въ блескѣ Твоемъ; возвысся, Судія земли, воздай возмездіе гордымъ,— отъ Господа спасеніе; надъ народомъ Твоимъ да будетъ благословеніе Твое Селѣа (вѣчно). Богъ Саваоѳъ съ нами, защитникъ нашъ Богъ Іаковлевъ Селѣа. Господь Саваоѳъ! Блаженъ человѣкъ уповающій на Тебя!» Послѣ этого поютъ псаломъ, читанный, по увѣренію раввиновъ, при древнемъ жертвоприношенії: «Торжествуй Господу вся земля! Служите Господу съ веселіемъ; идите предъ лицо Его съ радостнымъ восклисаніемъ. Познайте, что Іегова есть Богъ. Онъ сотворилъ насъ, и мы наслѣдіе Его, народъ Его, и овцы паства Его. Входите во врата Его со славословіемъ, во дворы Его съ хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его; ибо благъ Господь, милость Его во вѣкъ, и истина Его въ родъ и родъ». Затѣмъ читается молитва Моисея, человѣка Божія. «Господи, Ты намъ прибѣжище изъ рода въ родъ. Когда еще не родились горы, и не устроена была земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка Ты Богъ. Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе и говоришь: «возвратитесь сыны человѣческіе!» Ибо тысяча лѣтъ предъ очами Твоими какъ день вчерашній и проч.» Далѣе хазинъ говоритъ: «Кто знаетъ силу гнѣва Твоего и Твою ярость, чтобы достойно благоговѣть предъ Тобою? Научи насъ такъ счислять дни наши, чтобы намъ пріобрѣсть сердце мудрое. Обратися, Господи! Доколѣ? Умилосердися надъ рабами Твоими. Утромъ насыти насъ Свою благостію, и мы будемъ радоваться и веселиться во всѣ дни наши. Возвесели насъ по мѣрѣ дней, въ которые видимъ бѣдствія. Да явится надъ рабами Твоими дѣло Твое, и слова Твои надъ сынами ихъ. Аллилуія. Хвалите имя Господне, хвалите, рабы Господни, стоящіе въ домѣ Господнемъ, во дворахъ Бога нашего. Хвалите Господа, ибо Господь благъ; пойте имени Его, ибо сіе сладостно. Ибо Господь избралъ себѣ Іакова, израиля въ Свою собственность.

Ибо я позналъ, что великъ Господь, и Господь нашъ превыше всѣхъ боговъ. Торжествуйте, праведники, предъ Господомъ; праведнымъ прилично славословить. Славьте Господа на гусляхъ, бряцайте Ему на десятиструнной псалтири. Пойте Ему новую пѣснь и проч.» Затѣмъ поютъ пѣснь, воспѣтую Моисеемъ и сынами израилевыми при переходѣ чрезъ Черное море: «*Поимъ Господеви (гаширо Ладонай), славно бо прославися: коня и всадника вверже въ море. Помощникъ и покровитель бысть мнъ во спасеніе; сей мой Богъ и прославлю Его* *» (Сидеръ 48, 49 стр.). По прочтеніи псалмовъ, хазинъ протяжно говорить: «Благословенъ Господь, Творецъ нашъ, Царь и Избавитель нашъ, Творецъ ангеловъ. Да будетъ благословлено во вѣки имя Твое, Царь нашъ, Создатель слугъ (разумѣя ангеловъ), предстоящихъ Тебѣ въ горнихъ міра и съ благоговѣніемъ громко возвѣщающихъ слова Бога живого и Царя міра.—Всѣ они (ангелы) любвеобильны, всѣ избраны, всѣ сильны, всѣ со страхомъ и трепетомъ творять волю Творца своего; всѣ въ святости и чистотѣ отверзаютъ уста свои; гимнами и пѣніями благословляютъ, хвалятъ, прославляютъ, исповѣдуютъ, освѣщаютъ и державно величаютъ: «*Кодышъ! кодышъ! кодышъ!*» Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ! Весь свѣтъ наполненъ славою Его». Этимъ не ограничиваются раввины; они сообщаютъ намъ, кто изъ ангеловъ славить Бога и какъ именно славить: «*Офанимъ и Хаистъ*» съ великимъ шумомъ возносятся противъ серафимовъ, и всѣ общимъ хоромъ славятъ Іегову такъ: «Благословенна слава Господня съ мѣста селенія Его!» Богу благословленному они возсыпаютъ благопріятныя хваленія. Фарисеи въ эти минуты встаютъ со своихъ мѣстъ и громко кричатъ: «*кодышъ, кодышъ, кодышъ!*»—святъ, святъ, святъ! Господь Саваоѳъ. Будучи увѣрены, что ангелы одновременно съ израилемъ славятъ Бога, при чемъ машутъ крыльями, они (фарисеи), желая имъ подражать, машутъ руками во всѣ стороны и продолжаютъ кричать: «*кодышъ, кодышъ, кодышъ!*» Въ субботу читаютъ: «*кесерь итни лехо*»—корону дастъ Тебѣ (Мессіи) Боже Богъ

* Талмудъ увѣряетъ, что каждый израильтянинъ, проходя Черное море, сподобился видѣть Бога, Спасителя своего, побориющаго за израиля, потому-то и воскликнули: „Сей мой Богъ..“

Твой (царство славы). Когда фарисеи умолкнутъ, хазинъ восклицаетъ: «слушай израиль; Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть!» молящіеся, особенно фарисеи дружно и велегласно повторяютъ эти слова, и такъ долго кричатъ: «единъ!» что уставщикъ бываетъ вынужденъ ударить рукою по аналою, чтобы они умолкли. Молитва эта (душа) такъ почитается евреями, что каждый изъ нихъ проходя мимо синагоги, и услышавъ ее, считаетъ долгомъ остановиться и произнести ее, а болѣе набожные подпрыгиваютъ отъ восторга, крича: «кодышъ, кодышъ!»

Окончивъ эти молитвы, хазинъ восклицаетъ: «Кто подобенъ Тебѣ, Господи, между богами? Кто, какъ Ты, величественъ святостію, страшенъ славою, Творецъ чудесъ? Новою пѣснію на берегу моря избавленные прославили имя Твое: всѣ вмѣстѣ они возблагодарили Тебя, и, какъ Царя, возвеличили, говоря: «Господь да царствуетъ во вѣки вѣковъ», тоже говорить и народъ. Произнесши это обращаются съ молитвою къ Мессіи: «Скала израиля, возстань на помощь израилю и избавь Іуду и израиля, какъ обѣщался Ты, Святый израилевъ, Избавитель нашъ. О, воззри на нашу бѣдность, защити насъ во время брани и скоро избави насъ ради имени Твоего, ибо Ты, всесильный Избавитель: Благословенъ Богъ избавитель израиля. Воструби въ рогъ великий, въ знакъ нашей свободы, и подыми знамя, чтобы собрались изгнанники наши, и собери всѣхъ насъ вмѣстѣ, со всѣхъ четырехъ концовъ земли, Благословенъ Ты, Богъ, собирающій разсѣянный народъ Свой израиля (Сидеръ 71). Возстанови нашихъ судей, какъ было съ начала, и нашихъ совѣтниковъ, какъ было прежде, и отврати отъ насъ печали, воздыханіе; Самъ воцарись Ты, Боже, надъ нами въ милости и милосердіи и оправдай насъ предъ судомъ Твоимъ; благословенъ Ты, Богъ, Царь израилевъ. Возвратись съ милосердіемъ Твоимъ въ божественный градъ Іерусалимъ и пребуди въ немъ, какъ обѣщалъ Ты; устрой его, при жизни нашей строеніемъ вѣчнымъ и престолъ Давидовъ немедленно возстанови въ немъ. Благословенъ Ты, Богъ, Зиждитель Іерусалима. Возрасти скоро отрасль Давида раба Твоего и благодатью Твою возвыси рогъ его, ибо ежедневно надѣемся на помощь Твою. Благословенъ Ты, Богъ, возрастающій рогъ спасенія (Сидеръ 74 стр.)

Господи, Боже израилевъ, отврати пламенный гнѣвъ Твой, призри съ небеси и посмотри на насъ, сдѣлавшихся поруганіемъ и посмѣяніемъ между народами, которые считаютъ насъ какъ овецъ, приведенныхыхъ на закланіе, убиеніе, истребленіе, пораженіе и поношеніе. Но при этомъ мы не забыли имени Твоего—о, не забудь и Ты насъ! Стражъ израиля, (Мессія) сохрани остатокъ израиля, дабы не погибъ израиль, который говоритъ: «услышь израиль» (Сидеръ 101 стр.).

Молящійся іудей, настроивъ себя такими мыслями относительно явленія Мессіи, и какъ бы сознавая Его грядущимъ совершить спасеніе іудеевъ отъ всѣхъ народовъ, съ которыми они (евреи) поведутъ войну за свое освобожденіе *), торжественно произносить слова, употребленныя древнимъ израилемъ при поднятіи ковчега завѣта. «Воскресни, Господи! да расточатся враги Твои, и да бѣжать всѣ ненавидящіе Тебя». Затѣмъ іудей продолжаетъ произносить утѣшительныя для него слова: «Ибо леционъ гоэль»—и придетъ въ Сіонъ Спаситель нашъ и отвратить нечестіе сыновъ Іакова и скажетъ: «вотъ вамъ завѣтъ Мой; духъ Мой въ васъ вложу» (Сидеръ 108 стр.).

Молитвы эти сами по себѣ хороши и весьма поучительны; онѣ носятъ въ себѣ духъ истинный, пророческій, и въ свое время приносили плоды. Древніе, истинные израильтяне, молясь такъ Господу о ниспосланіи имъ Мессіи, были услышаны. Сами евреи говорятъ, что молитвы эти были составлены Ездрою въ Вавилонскому плѣну и предназначаемы были для молящихся съ цѣлью умилостивить Бога, и несомнѣнно, что древніе евреи, находясь въ плѣну, молились такъ Господу о своемъ избавленіи. Богъ взялъ ихъ молитвъ,—ожидаемый Мессія явился въ опредѣленное пророками время (Даниилъ 9, 24, Аггей 2, 2 стр.). Спаситель, будучи на землѣ, говорилъ іудеямъ, что Онъ есть Тотъ, Ботораго желалъ видѣть отецъ ихъ Авраамъ и др. святые мужи, именно Мессія. И Онъ доказалъ это Своимъ ученикамъ, чудесами, крестнымъ стра-

*) По учению талмуда, съ пришествіемъ Мессіи явятся сильные, оставшіеся въ величествости 10 колѣнъ израильскихъ, живущихъ нынѣ будто бы за Йорданомъ и будутъ сражаться обще съ израилемъ со всѣми народами, и чудесно покорять ихъ: евреи пройдутъ по бумажному мосту невредимо, а „гон“—иновѣрцы—по жѣлезному и потонутъ.

даніемъ и всѣмъ тѣмъ, что надлежало совершить Христу по пророчеству; и истинные израильтяне увѣровали въ Него, большинство же отвергли Христа-Спасителя, а между тѣмъ Камень, который отвергли строители, сдѣлался главою угла (Маркъ 12, 10. Пс. 17, 22, 23).

И вотъ теперь, спустя 1890 лѣтъ по отверженіи Іисуса Христа, іудеи просятъ Бога о ниспосланіи имъ Мессіи. Своевременна ли такая молитва и сбыточна ли она? Тѣмъ болѣе, что іудеи ждутъ такого Мессію, который бы устроилъ имъ царство на землѣ и покорилъ бы имъ всѣхъ народовъ, насыщалъ бы ихъ тучнымъ мясомъ «шаргабора» (быка), пасущагося отъ вѣка для израиля, накормилъ бы лучшею рыбой «левіафаномъ» и напоилъ бы ихъ хорошимъ виномъ, хранящимся, по увѣренію раввиновъ, для израиля въ эдемскихъ погребахъ. Ну, не пустая ли мечта эта? Христіанинъ невольно долженъ сказать израилю, чающему отъ Христа такихъ благъ: «не вѣсте, что просите». Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ отвращать сердца израиля отъ молитвы къ Мессіи; пусть они взываютъ къ Нему только, какъ Избавителю и Спасителю душъ человѣческихъ, и Господь спасеть уповающихъ на Него. Такъ было со мною грѣшнымъ, когда пастыри Церкви открыли мнѣ Христовы истины, и я увѣровалъ въ Іисуса Христа, какъ Господа. Но довольно обѣ этомъ. Продолжимъ недоконченную рѣчь о богослуженіи, о томъ, что происходитъ послѣ вышеупомянутыхъ молитвъ: народъ велегласно произносить анаѳема «олено» на гоевъ (язычниковъ). За что-же?—А за то, что они не знаютъ истиннаго Бога и не соблюдаютъ св. законъ (Тора). «Пу махъ шемой везехрой»—да изгладятся и исчезнутъ имена ихъ, при этомъ плюютъ. Этимъ и заканчивается богослуженіе и расходятся по домамъ; болѣе же благочестивые—хасиды остаются въ синагогѣ: одни читаютъ псалтирь, а другіе—Мишнаютъ—Второй-зак. (тальмудъ). Начитавшись вдоволь и почувствовавъ потребность подкрепиться, обращаются къ болѣе зажиточному, или «юрцату», т. е. такому еврею, которому слѣдуетъ исправить годовщину,—память объ усопшихъ родныхъ, прося угостить; но въ тотъ день не оказалось въ синагогѣ такого человѣка, и фарисеи обратились къ отцу съ поздравленіемъ, по случаю возложенія на

меня хранилищъ, поздравили и меня. Отецъ, понявъ, что нужно этимъ господамъ: послалъ служителя синагоги за водочкой и пряниками (это считается лучшою закускою у евреевъ), а более почетныхъ пригласилъ на домъ, чтобы отпраздновать мой свящ. день. Самъ раввинъ пожаловалъ къ намъ и произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія: «любезное чадо! ты сегодня сдѣлался «балмицве»—(мужемъ), сталь на священный путь, иди же и не спотыкайся! Знай, что, по ученію нашихъ раввиновъ, у каждого человѣка есть два пути: «дерэхъ-тovъ»—путь добрый, ведущій къ блаженству и «дерэхъ-ра»—гибельный путь, ведущій въ пропасть гиенны. Слѣдуй же по тому пути, который ведеть въ жизнь вѣчную; молю Господа, да поможетъ Онъ тебѣ въ этомъ». Послѣ раввина сказалъ мнѣ задушевное слово и отецъ, а также и знакомые, но всѣ эти рѣчи не были столь благотворны для меня какъ рѣчь прав. священника, произнесенная въ этотъ-же день.— Священникъ какъ тутъ очутился? подумаетъ удивленный читатель. Повидимому просто, но если вдуматься въ событие, происшедшее отъ плодотворной его рѣчи, то придемъ къ заключенію, что Богъ послалъ его къ намъ; вѣдь и я сынъ Авраамовъ, и мнѣ надлежало спастися, о чёмъ я особенно молился въ свящ. для меня день возложенія хранилищъ. Не лишнимъ считаемъ, между прочимъ, разсказать объ этомъ; можетъ быть, этотъ простой рассказъ послужить въ назиданіе израиля.

Когда всѣ знакомые разошлись, къ намъ вошелъ священникъ. Надо замѣтить, что въ домъ нашъ захаживали паны ксендзы и прав. священникъ; всѣ они любили бесѣдоватъ съ отцомъ о вѣрѣ, слушать и я ихъ рѣчи, и особенно любилъ слушать добрыя слова русского священника: они были мнѣ по душѣ, потому, что онъ прославлялъ праотцовъ нашихъ: Авраама, Исаака и Іакова, говорилъ много о пророкѣ Моисѣѣ, превознося его чудеса. Такъ было теперь: усѣвшись за столъ, онъ, обратясь, ко мнѣ сказалъ: «Вульфъ (имя мое), сядь, поговоримъ; я охотно усѣлся рядомъ со священникомъ. Мать подала графинчикъ вишневки, которую она мастерица была приготовлять и охотница угощать, конечно, не даромъ, и просила священника поздравить меня со священнымъ днемъ возложенія хранилищъ. Священникъ, будучи знакомъ

съ еврейскими обрядами, и желая поощрить меня добрымъ словомъ, сказаль: «а, такъ ты посвященное лицо, и ужъ не какой-нибудь мальчикъ, а настоящій юдъ—израильянинъ».

«Кзкъ-зе пане доброзею», отвѣтилъ я съ сознаніемъ своего достоинства.

— «Дай Богъ», продолжалъ священникъ, чтобы слова Іеговы, написанныя на пергаментныхъ запискахъ и вложенные въ твоихъ богомоліяхъ, были соблюдаены тобою, чтобы ты любилъ Бога и ближнихъ». — «Благодаримъ, батюшка доброе», отвѣтила за меня матушка. А я повелъ другую рѣчь: «развѣ мы не любимъ Бога, и кто больше насъ любить Его?»

— «То-то, дружокъ мой, не очень-то вы любите Его; если бы любили Бога, то не отвергли бы возлюбленнаго Сына Его «Мушіаха» (Мессію).

— «Батюшка, что вы это говорите, мы отвергли Мушіаха, возможно ли это? Если бы вы знали, какъ мы ожидаемъ Его, какъ усердно просимъ Бога о ниспосланіи намъ Мессія и какъ пламенно взываемъ къ самому Мушіаху, прося Его скорѣе прийти и совершить дѣло спасенія израиля, то не сказали бы такъ».

— «Да, голубчикъ, знаю, что вы молитесь о пришествіи Мессіи и съ нетерпѣніемъ ожидаете Его, но тщетно ожиданіе ваше, ибо Мессія уже былъ въ мірѣ давнымъ давно, 1800 лѣтъ тому назадъ. Христосъ явился къ израилю, и израиль Его отвергъ».

Я закачалъ головою въ знакъ отрицанія и никакъ не могъ согласиться съ высказанною рѣчью священника. Въ это время вошелъ отецъ и, поклонившись священнику, ушелъ въ свою комнату, пошелъ и я за нимъ и передалъ ему слышанное отъ священника, именно, что ожидаемый нами Мессія уже пришелъ. Отецъ покосился на меня и сказалъ: «охота тебѣ говорить съ галахомъ о такомъ важномъ предметѣ *); нужно удаляться такого собесѣдника, особенно, когда заходитъ рѣчь о пришествіи Мессіи; обѣ этомъ не слѣдуетъ говорить». Но мать уговорила отца выдти

*.) „Галахъ“ значить бритобородый, хотя это прозвище относится къ ксендзамъ, которые брѣютъ бороды, но евреи не отличая особенно русского священника отъ ксендза, называютъ и его именемъ „галахъ“.

къ священнику, какъ къ добромъ гостю, и онъ послушался ее, но вышелъ къ нему съ такимъ пѣніемъ: «что это вы, пане добродею, вздумали говорить молодому человѣку таکія вещи, которыя не должно намъ знать».

«Что же такое сказалъ я, пане Юдка (имя отца), не доброе? — Что Мессія пришелъ? но развѣ это не добрая вѣсть для израиля?»

— «Да, вѣсть эта очень хорошая но ошибочная; о, если бы Мессія нашъ пришелъ, мы тогда не находились бы здѣсь въ поношениі, а жили бы въ Іерусалимѣ, какъ вельможи, какъ князья».

— «Не вѣрнѣе ли было бы сказать: если бы отцы ваши не отвергли Христа и сохранили бы законъ Іеговы, то они не были бы изгнаны изъ Іерусалима, и вы не были бы здѣсь; теперь же вы лишены отечества, святого града и храма и значитъ, что всего этого лишилъ васъ Богъ за отверженіе Іисуса Христа, Который пришелъ спасти израиля, но израиль Его отвергъ, за это и васъ Богъ отвергъ».

— «О, нѣть, нѣть! Мушіахъ нашъ еще не пришелъ, и о пришествіи Его никто не можетъ знать; это скрыто даже и отъ ангеловъ».

Пророчества о Мессіи.

— «А какъ же св. пророки возвѣщали о Мессіи? такъ, напр., въ священныхъ книгахъ Моисея (Второз. 18, 18) читаемъ божественное изрѣченіе къ Пророку Моисею: «Я воздвигну имъ (евреямъ) Пророка изъ среды братьевъ ихъ, какъ тебя, и вложу слова Мои въ уста Его, и Онъ будетъ говорить все, что Я повелю Ему; а кто не будетъ слушать словъ Его, съ того Я взышу». Пророчество это сбылось, Господь воздвигъ вамъ давно сего Божественного Пророка Іисуса Христа, коего отцы ваши отвергли, и за это Богъ взыскиваетъ съ васъ, наказываетъ и именно за отверженіе Іисуса Христа».

— «Нѣть, нѣть! не за Христа наказываетъ насъ Богъ, а за наши грѣхи: вы что тутъ, пане добродею, не говорите, а мы не можемъ вамъ вѣрить, что Мессія пришелъ».— «Не мнѣ, а проро-

камъ вашимъ вѣрьте, они съ ясностю указываютъ вамъ на пришествіе Іисуса Христа. Такъ, напр., патріархъ Іаковъ пророчествовалъ (Быт. 49, 10), «что не отнимется скіпетръ отъ Іуды, пока не придетъ Примиритель» (Шилогъ) Царь, Мессія, что сбылось: съ пришествіемъ Мессіи не стало у израиля ни царя, ни князя. Пророкъ Аггей предсказалъ, что ожидаемый вами Мессія придетъ во 2-й храмъ: «и приидетъ желаемый всіми народами, говоритъ Іегова, и наполню домъ сей (храмъ) славою, и слава сего храма будетъ больше прежняго» (Аггей 2, 8). Тоже самое говорить пророкъ Захарія о явленіи Мессіи: «Се Царь Твой грядетъ къ тебѣ праведеніе—Спаситель» (Захарія 9, 9). Наконецъ, у пророка Малахія сказано: «Вотъ Я пошлю вѣстника Моего, чтобы Онъ уровнялъ предъ лицомъ Моимъ путь; и тотчасъ придетъ въ храмъ Свой Господъ, Котораго вы ищете, и Ангелъ завѣта, котораго вы ждете» (Малах. 3, 1). Все это какъ и многое другое, въ точности исполнилось въ лицѣ Іисуса Христа, и вамъ, какъ чителямъ закона и пророковъ, должно быть это известно».

— «Читали мы эти пророчества, но вы знаете, батюшка, что изрѣченія пророковъ необъяснимы для насъ; въ подтвержденіе моихъ словъ приведу вамъ пророчество Даніила, тамъ читаемъ: «и запечатается видѣніе и пророкъ» (Даніил. 9, 24).

— «Да, есть такое пророчество, но слова: «и запечатается видѣніе и пророкъ» не то значать, что слова пророковъ необъяснимы, а то, что съ пришествіемъ Мессіи кончится все, — не будетъ больше у израиля ни пророковъ, ни видѣній, изъ которыхъ можно бы было узнать о Христѣ Мессіи и о томъ, что совершилъ Онъ въ мірѣ, ибо все, что надлежало Христу совершить, кончилось съ Его пришествіемъ: упразднился ветхій завѣтъ, разрушился Іерусалимскій храмъ и еврейскій народъ разсѣянъ, какъ и предсказалъ Даніиль (9, 24—29). Не вы ли сами, пане Юдка, однажды мнѣ говорили, что Мессія приходилъ уже въ мірѣ, но почему-то, не припомню теперь, Онъ не благоволилъ спасти израиля?»

— «Да, да, батюшка, приходилъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ нашъ талмудъ, и Онъ былъ уже на горѣ Синаѣ, но, увидѣвъ

грѣхи израиля, вернулся назадъ и сказалъ Богу: «народъ Твой еще недостоинъ спасенія, надо еще погодить, пока израиль исправится».

— Ну, видишь любезный Юдка, и по ученію раввиновъ выходить, что Мессія приходилъ, но то, что Онъ вернулся назадъ — не болѣе, какъ басня талмуда; въ самомъ дѣлѣ, какъ Богу не знать, достоинъ ли израиль спасенія, или нѣтъ? Увѣряю васъ всѣмъ священнымъ, что ожидаемый вами Мессія давно пришелъ, и именно въ то время, когда надлежало Ему, по пророчеству, прийти; пришелъ и спасти истинныхъ израильянъ — увѣровавшихъ въ него.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ отецъ взволнованнымъ голосомъ, мы этому не вѣримъ.

Священикъ, вздохнувъ, всталъ съ своего мѣста и сказалъ: «ахъ, какъ мнѣ жаль васъ; вѣдь вы потомки великихъ отцовъ вѣры: Авраама, Исаака и Іакова, которымъ даны обѣтованія Божіи,— послать на землю Спасителя міра; вашъ народъ избранъ Богомъ для осуществленія сего священнаго завѣта.

— Ага, — воскликнулъ обрадованный отецъ, — то-то-зе, батюшка, вотъ мы какіе!

— Изъ вашего племени, — продолжалъ священикъ, — родился Спаситель міра и спасти міръ, вы же жалкіе остались въ невѣріи, заблужденіи, и испытываете кару Божію, какъ не пожалѣть васъ?

Отецъ не возражалъ болѣе, онъ видимо, былъ смущенъ правдивою рѣчью священника, но мнѣ слова проповѣдника казались благовѣстiemъ.

Когда отецъ успокоился и священикъ удалился, то я сказалъ ему: «тата, деръ галахъ препелть зеръ гутъ», т. е. священикъ очень хорошо толковалъ. — Отецъ такъ и всплеснулъ руками и возопилъ: «ой, вей, вей! (увы), что ты, сынъ мой, говоришь! видно, что слова галаха поколебали твоё сердце», и старался всячески увѣрять меня, что Мессія еще не пришелъ, и что толкованіе священникомъ пророчествъ ошибочно; прошу тебя забыть все слышанное отъ священника.

— Постараюсь, батюшка, исполнить желаніе твое, — но поучительные слова священника не могли быть забыты, они остались

памятны въ душѣ моей на всю жизнь, и, можно сказать, легли въ основу моего обращенія къ Іисусу Христу. Краткая бесѣда наша со священникомъ даетъ, между прочимъ, отвѣтъ на вопросъ которымъ задаются нѣкоторые христіане, желающіе знать, приготовлены ли умы и сердца нынѣшихъ евреевъ къ принятію вѣры въ Іисуса Христа? и освободились ли они отъ препятствующихъ тому предразсудковъ и глубокаго упорства въ невѣріи?

Намъ кажется, что прежніе евреи—апостольскаго вѣка, способнѣе были къ познанію истины о Христѣ, чѣмъ нынѣшніе. Евреи современные глубоко убѣждены, что не сегодня—завтра ожидаемый ими Мессія придетъ къ нимъ, возстановить израильское царство, и будетъ затѣмъ Гудино колѣно выше всѣхъ. Ради Мессіи, ради Его близкаго пришествія, евреи, такъ сказать, окаменѣли въ своей жизни; они не ищутъ, не желаютъ нравственнаго сближенія съ христіанскими народами; но силенъ Богъ, скажемъ съ апостоломъ Павломъ, привить къ древней избранной Богомъ маслинѣ природныя ея вѣти. (Рим. 11, 23—26). Много хотѣлось бы говорить объ этомъ важномъ предметѣ, но это слишкомъ удалило бы насъ отъ настоящаго очерка. Познакомивъ читателя съ богослуженіемъ, считаемъ нужнымъ сказать, кто совершаеть оное или можетъ совершать, такъ какъ у евреевъ нынѣ нѣть священниковъ.

VIII.

Раввины (реббе).

Раввинъ, значитъ высшій учитель, толкователь закона и вѣроученія евреевъ и главный начальникъ синагоги. Званіе раввина высокочтимо между евреями; имя его произносится съ должнымъ уваженіемъ не только въ лицо, но и заочно. При встрѣчѣ съ раввиномъ, евреи часто говорять: «реббе» (учитель), а когда раввинъ входить въ синагогу, то всѣ встаютъ съ мѣстъ и съ должнымъ почтеніемъ привѣтствуютъ его. Съ самыхъ древнихъ временъ званіе «равви» имѣло уже у евреевъ высокое значеніе; такъ,

мы знаемъ изъ Евангелія, что почитатели Господа Іисуса всегда величали Его: «равви, раввуни». Даже враги его фарисеи любили при бесѣдѣ съ Нимъ такъ Его величать: «учитель»; любили фарисеи и себя величать постоянно именемъ равви такъ, что Спаситель нашелъ нужнымъ замѣтить имъ это: «не нарицаитесь учителями: «единъ бо учитель Господъ».

Современные раввины далеко не то, что древніе великіе учители израиля, напр. Гиллель, Шамай, Йохананъ, Іеліазаръ, Гамаліль и др. Эти раввины, занимаясь изученіемъ закона, присоединяли къ этому и работу, такъ напр., находимъ въ талмудѣ что раввинъ Йохананъ Гасандлеръ былъ сапожникомъ, раввинъ Ицхокъ — кузнецомъ, а раввинъ Мойше Бенахмонъ, известный у евреевъ подъ громкимъ названіемъ Рамбамъ, былъ медикомъ; наконецъ, раввины послѣдняго пльна занималась тоже ремеслами и медициною. Раввинъ Гамаліль, которого еврейская хроника называетъ патріархомъ, занимаясь врачебною наукой, прославился ею такъ, что императоръ Феодосій и сыновья его возвели его въ почетное званіе префекта. Учитель Ейхонанъ 20 л. посвятилъ на защиту предъ синедріономъ вдовъ и сиротъ; онъ сдѣлался такимъ ревностнымъ и достойнымъ учителемъ, что евреи уподобляютъ его Моисею, а ученіе его охотно читается ими и до нынѣ *).

Но позднѣйшіе раввины совершенно измѣнили характеръ своихъ предшественниковъ **); они не только не занимаются ремеслами, но не исполняютъ и главныхъ своихъ обязанностей: не учать народа, не совершаютъ важнаго для евреевъ обряда обрѣ-

*.) Что древніе іудейскіе учители соединяли съ дѣломъ ученія и трудъ физической видно изъ того, что св. ап. Павелъ, хотя предназначался въ учителя закона Божія, однако по іудейскому обычаю занимался ремесломъ—дѣланіемъ палатокъ, и этимъ содержалъ себя во время апостольского служенія, чтобы не быть въ тягость обществу. Іудейскій обычай, при изученіи закона заниматься ремеслами, имѣлъ въ основаніи свое не одно только то, чтобы доставить средства къ жизни, но и то, чтобы укрощать искущеніе чувственности, заграждать и уничтожать вредныя вліянія на высшую духовную жизнь. Этими мыслями руководствовались и руководствуются монашествующіе въ христіанскомъ мірѣ, упражняясь въ физическихъ работахъ (см. о жизни св. ап. Павла, Соч. Вас. Михайловскаго 1866-й г.).

**) На степень раввина возводятъ нынѣ сами евреи уже не рода священническаго (такъ какъ его нѣть), а избираютъ человѣка зарекомендовавшаго себя примѣрною жизнью, отличающагося знаніемъ талмуда и исполненіемъ всѣхъ мелочныхъ обрядовъ.

занія и не священнодѣйствуетъ, послѣднее исполняетъ простой еврей «хазинъ»—установщикъ; раввины даже не произносятъ проповѣдей; для этого существуютъ въ каждомъ городѣ «магды»—проповѣдники; раввинъ только два раза въ году обязанъ произносить проповѣдь: «въ шабашъ тешуба» (субботу покаянія) и въ предшествующій день отпущенія грѣховъ (емкупуръ); въ эти священные дни раввинъ совершає богослуженіе, но, повторяемъ, это не обязательно. Скажутъ, какое же назначеніе раввина, если онъ не учитель народа и не служитель алтаря?—Онъ величается только именемъ равви, а главная его обязанность совершенно другая, его скорѣе можно назвать начальникомъ синагоги, блестителемъ вѣры и судьею израиля, чѣмъ учителемъ: онъ решаетъ всѣ общественные вопросы, (какіе это вопросы скажемъ ниже), и наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ талмудическихъ обрядовъ, такъ, напр., многіе раввины при наступленіи шабаша обходятъ всѣ лавки и побуждаютъ торгующихъ закрыть ихъ и поспѣшить въ синагогу, дабы встрѣтить священную субботу (мекабель шабасъ).

Одна изъ главныхъ обязанностей раввина есть та, чтобы благословлять народъ, благословеніе раввина такъ важно для евреевъ, что оно напутствуетъ ихъ при всѣхъ обрядахъ: при рожденіи, при обрѣзаніи дитяти мужескаго пола и при бракѣ. Еврей, отправляющійся въ путь или желающій предпринять какое-либо дѣло, идетъ за благословеніемъ къ раввину и, получивъ оное, благодарить его чѣмъ можетъ. Вообще евреи весьма уважаютъ раввиновъ и поддерживаютъ ихъ въ материальномъ отношеніи, но скучо. Впрочемъ, раввины, какъ замѣчено было выше, ограничиваются малымъ: ужъ такое лицо выбирается въ раввины—аскетъ, для которого міръ и блага его не представляютъ особенной прелести «ойломъ газэ», — т. е. удовольствія земного, скажетъ духовный раввинъ, недостойны истиннаго служителя синагоги; кто ищетъ одно это, потеряетъ «ойломъ-габо»—жизнь будущую вѣчную. Каждый духовный раввинъ помнить всегда изрѣченія отцовъ синагоги и правила вѣры, которыя гласятъ: «умножающій плоть, умножаетъ червей, умножающій богатство, умножаетъ заботы, умножающій слугъ, умножаетъ неудовольствія въ домѣ,

умножающей одежду, умножаетъ тѣніе, но умножающей въ себѣ «тору»—Законъ Божій, умножаетъ жизнь вѣчную, такъ какъ за это воздается въ будущемъ многое» (Сидеръ 80 стр.).

Все это такъ, скажетъ читатель, но вѣдь нужно раввину чѣмъ нибудь жить?—Да, нужно, и его не оставляютъ прихожане, но даютъ только самое необходимое для жизни, и раввины, какъ мы сказали выше, всегда довольны своимъ положеніемъ *). Но это только можно сказать о духовныхъ раввинахъ, но никакъ не о другихъ, напримѣръ, о казенныхъ раввинахъ, а тѣмъ болѣе обѣ окружныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «цадиковъ».

IX.

Казенные раввины.

У евреевъ въ прежнее время не было казенныхъ раввиновъ; они знали однихъ духовныхъ, которыхъ избирали изъ своей среды. Достаточно было еврею прослыть «хасидомъ»—благочестивымъ, напр.: чаще совершать омовенія, поститься два раза въ недѣлю, сидѣть дольше другихъ въ синагогѣ, разширяя воскрилія ризъ, и такой человѣкъ какъ разъ попадеть въ раввины. Посвященія никакого не требовалось. Но вотъ въ 1844 году учреждается по Высочайшему повелѣнію комиссія изъ раввиновъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ министра, для разрабатыванія вопроса обѣ устройствъ еврейскихъ училищъ для приготовленія въ нихъ раввиновъ, болѣе просвѣщенныхъ, которые могли бы учить израиля не одному талмуду, а всему полезному, и искоренили бы въ народѣ суевѣrie и вредные предразсудки, а также содѣйствовали благимъ мѣрамъ Правительства, по отношенію улучшенія жизни евреевъ въ нравственномъ отношеніи, чего нельзя было достичь отъ духовныхъ раввиновъ, служившихъ исключительно на пользу преуспѣянія жидовства и интересовъ кагала **). Въ

*) Раввинъ имѣть при синагогѣ готовое помѣщеніе съ отоплениемъ.

**) Кагалъ—члены общественного евр. управлениія, ему покорно все; кагалъ деспотически управляетъ всѣми дѣлами евреевъ. Мы ниже подробнѣе скажемъ о кагалѣ.

западномъ краѣ устроены были казенные раввинскія училища, въ которыхъ евреи охотно отдавали своихъ дѣтей, и чрезъ 3—4 года изъ этихъ училищъ выходили молодые люди, окончившіе раввинскій курсъ, и поступавшіе въ приходы раввинами. Евреи, особенно фарисеи, увидѣли въ этомъ — нововведеніе, подняли гвалтъ, говоря: «что это такое творится? Такіе молодые люди будутъ насъ старцевъ учить и благословлять; это поношеніе израилю! Не нужны вы намъ, говорили евреи прибывшимъ раввинамъ, извольте отправляться туда, откуда пришли; мы имѣемъ раввиновъ старыхъ, духовныхъ, съ которыми давно живемъ и поучаемся у нихъ тому, что надлежить знать израилю». Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то неловко было юношѣ учить старцевъ, у которыхъ онъ самъ незадолго учился, и которые всю жизнь сидѣли надъ книгами закона Моисея и талмудомъ. Фарисеямъ, считавшимъ себя учителями народа, стыдно было учиться у другихъ, а тѣмъ болѣе у молодыхъ и малоопытныхъ въ талмудической мудрости. Что оставалось дѣлать бѣдному молодому раввину, не имѣющему ничего, кроме аттестата, въ которомъ значилось, что Н окончилъ курсъ въ раввинскомъ училищѣ и достоинъ быть раввиномъ,— аттестата, не имѣвшаго для евреевъ ровно никакого значенія? Положеніе раввина было плачевно! Исходъ былъ одинъ: прибѣгнуть къ духовному раввину и искать у него милости, что и дѣлалъ казенный раввинъ. Кагаль, согласно желанію духовнаго раввина, благоволилъ опредѣлить казенного раввина писцомъ къ нему. Должность, разумѣется, не завидная: казенный раввинъ обязанъ писать метрическія и приходо-расходныя книги и доставлять ихъ губернскому начальству; этимъ и ограничивалась его дѣятельность. Вознагражденіе за подобный трудъ назначалъ тотъ же кагаль, по своему усмотрѣнію; послушному, покорному онъ давалъ больше, а непокорному менѣше. Поневолѣ казенному раввину приходилось жить въ приходѣ смиренno и смотрѣть на всѣ неблаговидныя дѣянія кагала равнодушно. И горе тому, кто осмѣлитсѧ въ чемъ-нибудь противорѣчить кагалу, или даже указать на проступки его единомышленниковъ; онъ рискуетъ за это лишиться мѣста и званія раввина. Для наглядности представимъ читателю хоть одинъ изъ многихъ примѣровъ, именно, что

случилось на нашихъ глазахъ въ г. Новгородѣ съ казеннымъ раввиномъ и другимъ лицомъ, занимавшимъ духовную должность «шехода»—рѣзака. Здѣсь не мало проживаетъ евреевъ, отставныхъ солдатъ, у которыхъ должность казенаго раввина многіе годы занималъ отставной солдатъ, Изриль Давидсонъ, знающій талмудъ и утвержденный въ этомъ званіи высшимъ военнымъ начальствомъ. Онъ служилъ честно и былъ любимъ прихожанами; но вотъ умножился приходъ и уже не солдатами, а прибывшими изъ Западнаго края евреями, мѣщанами и купцами. Этимъ господамъ не понравился казенный раввинъ, и больше потому, что онъ поставленъ христіанскимъ правительствомъ и не обладалъ тѣми фарисейскими качествами, которыя составляютъ принадлежность духовнаго раввина. Кромѣ того онъ держалъ себя вольно: позволялъ себѣ ходить безъ ермолки, водилъ знакомство съ русскими семействами и даже позволялъ себѣ иногда заходить въ гостиницу, а это считается у евреевъ неприличнымъ, почему некоторые евреи, разумѣется, фарисейскаго закала, порѣшили удалить этого раввина и избрать вмѣсто него другого, болѣе знающаго талмудъ, написавъ объ этомъ виленскому кагалу, который счелъ долгомъ пріискать для братьевъ своихъ настоящаго раввина—поборника жидаства. Такое лицо не замедлило прибыть въ Новгородѣ, съ кагальнымъ одобреніемъ, подтвержденнымъ подписью духовнаго раввина. Фарисейская партія тотчасъ радостно приняла его, безъ вѣдома казенаго раввина и большинства прихожанъ. Вновь прибывшій раввинъ въ первую же субботу даль о себѣ понять; онъ произнесъ обличительную проповѣдь, въ которой указалъ, какъ должно жить настоящимъ израильтянамъ, находясь между гоями, и какъ нужно соблюдать вѣру своихъ отцовъ; во вторую субботу раввинъ въ проповѣди высказалъ, что имъ замѣчено во многихъ израильтянахъ равнодушіе къ вѣрѣ, и что они жизнью своею уподобляются гоямъ, а такая жизнь можетъ лишить ихъ «ойломъ габо»—жизни будущей. Фарисеи восторгались этою проповѣдью; они вздыхали, горевали о грѣхахъ; но другимъ евреямъ обрусившимъ, не нравилась эта обличительная проповѣдь. И вотъ въ одну изъ субботъ, когда раввинъ рѣзко обличалъ неповинныхъ, одинъ изъ слушателей рѣшился въ

полголоса сказать стоящему съ нимъ рядомъ: «будетъ ли конецъ его проповѣди?» Къ несчастью сказавшаго проповѣдникъ въ эти минуты смолкъ и, услышавъ слова: «будетъ ли конецъ его проповѣди», пришелъ въ ярость и крикнулъ: «какъ ты, эпикуреецъ осмѣялся возвысить голосъ противъ меня, учителя вѣры, заботящагося о вашемъ спасеніи?! Израильяне, прогоните этого негодяя изъ синагоги!» Приказаніе раввина было исполнено ревнителями жицвства, а для большаго вразумленія нанесли ему побои. Послѣ этого внушенія раввинъ смѣлѣ сталъ обличать беззаконія израильянъ, заключающіяся въ томъ, что они употребляютъ трефное мясо, т. е. мясо такого животнаго, которое зарѣзано не по уставу и правиламъ талмуда; какія эти правила скажемъ ниже. Фарисеи, услышавъ такую ужасную рѣчъ, просили раввина подвергнуть «шехода»—рѣзака (мясника) экзамену по части «шхито», т. е. какъ должна быть зарѣзана скотина. Раввину это и нужно было; онъ потребовалъ къ себѣ шехода и въ присутствіи всѣхъ подвергъ его экзамену, котораго шеходъ будто бы не выдержалъ, почему онъ и объявилъ его невѣждою по части шхита, и что поэтому все зарѣзанное имъ трефъ—скверна, негодно къ употребленію. И Боже мой! какой поднялся гвалтъ, особенно курьезно было смотрѣть на женщины; они изъ себя выходили, такъ какъ по случаю праздника новаго года зарѣзано было много куръ и гусей, и пришлось все выкидывать, или же продать христіанамъ за ничтожную плату, а самимъ въ праздникъ голодать. Особенно горевала одна еврейка, петербургская торговка, прїехавшая въ Новгородъ и накупившая не мало гусей, надѣясь продать ихъ съ барышомъ, но, увы, ужасное слово «трефъ» рушило ея надежды. Но не въ этомъ дѣло, а въ силѣ и власти духовнаго раввина: его слово сдѣлало то, что между евреями возникъ расколъ, отчего одна партія до того враждовала противъ другой, что болѣе ревностные въ законѣ талмуда «хасиды» пустили въ ходъ кулаки и съ такимъ усердіемъ, что другой партіи «миснагдимъ» пришлось прибегать къ содѣйствію полиціи, чтобы унять борющихся во имя талмуда ^{*)}). Бѣдный же шеходъ,

^{*)} Евреи раздѣляются на двѣ секты: Миснагды и Хасиды и вѣчно враждуютъ между собою; хотя ходятъ въ одну синагогу, но каждая имѣеть свою молитвен-

лишенный должности и куска хлѣба, не могъ перенести горя—зарѣзался. Не сдѣровалъ и казенный раввинъ, рѣшившійся протестовать противъ дѣяній вновь прибывшаго раввина. Когда въ городѣ сдѣжалось извѣстно о волненіи, произшедшемъ между евреями и о событии съ рѣзакомъ, то виновникомъ считали казенного раввина; но раввинъ не чувствуя за собой вины объявилъ губернскому начальству, кто виновникъ всему. Начальство немедленно удалило виновника, вновь прибывшаго раввина. Кагаль не вытерпѣлъ этого и поднялъ тревогу противъ казенного раввина, требуя удаленія его отъ должности, и сколько губернское начальство не поддерживало раввина, а должно было удалить его, согласно предписанію Министра внутреннихъ дѣлъ, къ которому обращались евреи. Вотъ каково положеніе казенного раввина, осмѣливающагося не соглашаться съ указаніями кагала и постановленіями духовнаго раввина.

Не многимъ лучше и жизнь духовнаго раввина, и только блаженствуютъ одни «цадики».

X.

Ц а д и к и.

Цадики появились между евреями лишь во 2-й половинѣ прошедшаго столѣтія, и нѣть сомнѣнія, что появленіе ихъ знаменуетъ собою эпоху упадка въ религіозномъ бытѣ евреевъ. Евреи, лишенные всякихъ основъ самобытнаго существованія, но въ то же время отчужденные историческими условіями отъ жизни народовъ, среди которыхъ они жили, издавна привыкли находить въ своей религіи не только удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ, но и единственный символъ ложно понимаемаго національного единства, а въ духовной власти опору религіи и самой жизни. Не имѣя истинныхъ духовныхъ руководителей, народными пред-

ники, съ надписями: „Сидеръ ашкенизъ“, т. е. книги такой-то секты и каждый членъ синагоги обожаетъ своего раввина. Секта хасидизмъ самая изувѣрная и злая; основалъ ее въ началѣ 18 стол. въ м. Межибожъ, Подольской губ., раввинъ Баэль-ахемъ.

ставителями были всегда ученые книжники и фарисеи, отличавшиеся внѣшнею набожностью. Надо замѣтить, что между евреями была своего рода аристократія; и еще до сихъ поръ знатность между ними обусловливается происхожденіемъ отъ того или другого знаменитаго ученаго раввина. Но цадикізмъ не былъ прямымъ порожденіемъ этой аристократіи ума и познаній.

Но что за личность «цадикъ», подумаетъ читатель?

Это сила жидаства, воплощеніе талмуда и кабалы. Скажемъ понятнѣе. Цадикъ, по разумѣнію евреевъ, святой человѣкъ, избранникъ Божій, которому, какъ увѣряютъ евреи, по особому благоволенію Божію, все сообщается свыше и израилю все дается по его молитвѣ. Всѣхъ цадиковъ въ мірѣ, по убѣждѣнію евреевъ 36-ть («ламедъ воффъ»); безъ нихъ и міръ существовать не можетъ: они столпы, на которые опирается весь міръ, не будь хотя одного цадика,—все рушится. Цадики бываютъ явные и тайные. Послѣднихъ никто не знаетъ, они большою частію остаются въ неизвѣстности, всегда скрываются отъ міра; о нихъ знаютъ только то, что они постятся, молятся, занимаются тяжелою, грубою работою,—просто это какіе-то юродствующіе. Но подъ этой грубою оболочкою, въ которую облекается тайный цадикъ, живетъ «такой великий человѣкъ», скажетъ еврей, «что охъ!» Но не о нихъ рѣчь, а о болѣе извѣстныхъ цадикахъ, тормозящихъ жизнь евреевъ, не давая имъ узрѣть свѣтъ науки и жить должною гражданской жизнью. Говоря о цадикахъ, не лише будетъ замѣтить какимъ образомъ достигается званіе цадика? Христіанинъ подумаетъ, что для этого нужно получить высшее образованіе. Ничего не бывало; нѣть никакой надобности бывать въ академіи, ни даже въ раввинскомъ училищѣ: достаточно родиться отъ цадика, чтобы наслѣдовать это званіе. Можно и простому еврею сдѣлаться цадикомъ: стоитъ только изучить лучше талмудъ, разширять вскрылія ризъ подольше другихъ, поститься и молиться подольше, особенно въ присутствіи людей, «да видимы будуть», потомъ сумѣть окружить себя достаточнымъ числомъ учениковъ, которые бы повсюду трактовали, что такой-то де творить великія дѣла, и какъ разъ восхваляемый субъектъ прослыветъ цадикомъ и потекутъ къ нему отъ всюду чада израиля съ дарами, безъ

чего не мыслимо лицезрѣть цадика. Отъ этого-то, замѣтимъ, цадики бывають богаты и тщеславны. Я видѣлъ въ дѣтствѣ, какъ разъѣзжалъ цадикъ Ребе Срульце по своему округу, точно—будто бы, принцъ; *) за его экипажемъ слѣдовала большая свита хасидовъ, биткомъ набитыхъ въ фуры. Народъ стекался массами изъ ближайшихъ мѣстечекъ. Когда цадикъ въѣзжалъ въ наше мѣстечко, нѣкоторые евреи, желая лучше увидѣть его, влѣзали на крыши и тамъ наслаждались лицезрѣніемъ цадика. А что происходило тогда, когда онъ отверзъ уста свои и началъ сыпать фразы изъ талмуда и каббалы, то и сказать нельзя: евреи ахали и восхищались, даже тѣ, которые не слышали ни слова. Затѣмъ, когда цадикъ, во время стола благословилъ хлѣбъ и, вкусивъ, сталъ раздавать кусочки, то сдѣлалась сильная суматоха: хасиды съ такою жадностю принимали хлѣбъ изъ его рукъ, что цадикъ не могъ разомъ всѣхъ удовлетворить, но желая угодить приверженцамъ; онъ раздробилъ хлѣбъ на кусочки и бросалъ ихъ въ хасидовъ. И надо было видѣть съ какою жадностю они хватали эти кусочки.

Чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о тщеславной жизни цадиковъ, не лишнимъ считаемъ привести статью, помѣщенную во многихъ журналахъ и газетахъ **). Такъ, напримѣръ, въ Домашней бесѣдѣ читаемъ слѣдующее: Сада Гора ничего болѣе, какъ небольшой еврейскій грязный городокъ, находящійся въ буковинѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Черновицъ. Несмотря на это, онъ имѣеть для евреевъ особенную притягательную силу, заключающуюся въ семействѣ Изрольки, изъ племени которого, по убѣждению евреевъ, долженъ родиться Мессія. Семейство Изрольки скопило нѣсколько миллионовъ. Сада-Гора сдѣлалась мѣстомъ поклоненія польскихъ, русскихъ, галицкихъ, молдавскихъ и валлахскихъ евреевъ. Они вмѣняютъ себѣ въ непремѣнную обязанность посѣтить хоть разъ въ жизни означенаго цадика и одарить, кто чѣмъ можетъ; самый скаредный еврей ничего не жалѣеть для

*) Резиденція его была въ мѣстечкѣ Ружинѣ, Сквицкаго уѣзда, Киевской губерніи.

**) Домашняя Бесѣда 1865 г. выпускъ 52; Сынъ отечества 1865 г. № 13; Иллюстрація 1867 г. № 2.

Изрольки; на эти приношения воздвигся дворецъ для минимаго святого, окруженный небольшимъ числомъ изящныхъ домовъ, въ которыхъ живутъ зятья и дочери Изрольки. Въ нихъ собрано все, что роскошь и великолѣпие могли придумать лучшаго. Во дворцѣ находится серебряная комната, въ которой разставлены всѣ возможныя сосуды старыхъ и новыхъ фасоновъ. Жилыя комнаты украшены великолѣпными турецкими коврами и тяжелыми шелковыми занавѣсами. Въ концѣ большого парка находится прекрасно устроенная оранжерея. Эти изобрѣтенія самой утонченной роскоши составляютъ посреди грязныхъ домишковъ Сада Горы что-то похожее на волшебный замокъ. А владѣтель этихъ богатствъ, въ рукахъ котораго сосредоточено столько сокровищъ и одно лицезрѣніе котораго составляетъ для суевѣрныхъ евреевъ великое счастье, покупаемое богатыми приношеніями, есть не иное что, какъ олицетворенное тупоуміе Ребехо Изролько (такъ называется этотъ человѣкъ, совершенный идіотъ). Подъ его сѣдыми волосами не живеть мыслящій разумъ, въ груди его нѣть никакого чувства, ходить онъ не иначе какъ опираясь на проводника не изъ слабости, а изъ животной безсознательности. Разговоръ его состоить изъ несвязныхъ звуковъ, понятныхъ одному его семейству и секретарю. Когда онъ показывается на улицѣ,—что обыкновенно известно за нѣсколько часовъ,—всѣ оконки, дворы, улицы и площади наполняются людьми, которые поднимаются часто на деревья, крыши, чтобы только взглянуть на своего идола. У Ребеха Изролька есть жена, дочери и сыновья. Дочери его выходятъ замужъ почти дѣтьми. Каждому изъ его зятьевъ, которые выбираются обыкновенно между самыми богатыми людьми, вмѣняется въ обязанность поселиться въ Сада-Горѣ и построить себѣ домъ по близости отцовскаго двора. Дочери ходятъ дома въ бархатъ и шелку. Ежедневные кафтаны его сыновей и зятьевъ шьются изъ самыхъ дорогихъ матерій. У маленькихъ дѣтей есть нянѣки: француженка, англичанка и нѣмка, сверхъ того гувернантки и гувернеры какъ у какихъ—нибудь принцевъ. Множество секретарей ведутъ дѣла дома, состоящія большею частию въ приемѣ денежнѣхъ приношений и другихъ даровъ. Передъ обѣдомъ Ребехо Изролька назначаетъ ауединенціи, т. е. принимаетъ въ присутствіи

своего секретаря нѣкоторыхъ поклонниковъ. Не произнося самъ ни одного звука, онъ дозволяетъ имъ посмотреть на себя и принимаетъ обычное приношеніе, состоящее уже никакъ не менѣе какъ изъ десяти австрійскихъ гульденовъ. Иногда Ребехо Изролька катается. Прежде за его каретой слѣдовала другая карета съ музыкантами, которые, во время катанья, играли лучшія пьесы, но въ настоящее время этого уже болѣе не дѣлается, вѣроятно, по настоянію правительства. Одно это показываетъ, какимъ уваженіемъ пользуются цадики. Да евреи, особенно хасиды, готовы ихъ богочествовать.

Мы замѣтили выше, что къ цадику текутъ отъ всюда, — но за чѣмъ? За разными нуждами: такъ больные, чтобы получить облегченіе отъ недуговъ, несчастные — утѣшеніе; даже бесплодные обращаются къ цадику, прося его ходатайствовать передъ Богомъ, чтобы Онъ даровалъ имъ дѣтей. И цадикъ всегда сумѣетъ подать всѣмъ помощь, по его молитвѣ все совершается. Спросить, какъ же цадикъ можетъ разрѣшать бесплодныхъ? Да, эта вещь мудреная, но для цадика все возможно. Бывали случаи, хотя очень рѣдкіе, что и въ этомъ, т. е. въ бесплодіи ловкіе цадики помогали. Въ мое время обѣ одномъ цадикѣ, избавившемъ прекрасную евреечку отъ бесплодія, носились какие-то темные слухи, но ихъ скоро разсѣявали набожные хасиды. Возвращаемся къ занимаемому настѣ предмету — къ обрядамъ.

XI.

Пища евреевъ.

Намъ кажется, что никакой народъ не связанъ такъ закономъ касательно употребленія пищи, какъ еврейскій ученіемъ талмуда. Извѣстно, что законъ Моисеевъ дозволялъ употреблять въ пищу только чистыхъ и кроткихъ животныхъ, именно тѣхъ, у которыхъ раздвоены копыта, и которые жуютъ жвачку: «тѣхъ ѡщите» (Лев. 11, 3). Запрещается же ѡсть пресмыкающихся и крылатыхъ, у которыхъ четыре ноги: «сіи скверны для васъ» (Лев.

11, 23). Изъ этого раввины вывели множество узаконеній предписаній, запрещеній относительно употребленія пищи, которые евреи строго соблюдаютъ; болѣе всего еврей чуждается свиного мяса, (хазеръ): оно ему кажется такъ сквернымъ, гадкимъ, что онъ боится прикоснуться къ нему губами, а если христіанинъ предложитъ еврею поѣсть свинины, то онъ отвернется отъ него и пожалуй плонетъ и скажетъ «какъ можно єсть такую гадость?» Этимъ отличился пишущій сіи строки и чуть не поплатился за свою выходку боками. Мы расскажемъ объ этомъ весьма памятномъ для нась событіи, имѣющемъ близкое отношение къ разсматриваемому нами предмету. Будучи мальчикомъ, живя въ мѣстечкѣ Незарицы (Подольской губ.), принадлежащемъ графу Потоцкому, намъ удалось проѣхать мимо его усадьбы. Увидѣвъ красивый домъ его и наслышанный много о величіи и богатствѣ графа, я рѣшился взойти къ нему. Во дворѣ на террасѣ я увидѣлъ въ пышномъ одѣяніи пана Потоцкаго. Произошла сцена. Снявъ ермолку я подошелъ къ Потоцкому и, поклонившись ему, сказалъ: «ясновельможному пану здравія желаю». На мой привѣтъ панъ отвѣчалъ: «барзе зинкую», и тутъ же спросилъ: «откуда ты жидокъ?»

— Изъ мѣстечка Незарить пане!

— А! изъ моего мѣстечка. А чей ты сынъ?

— Ученаго израиля Юдка Шахновича,

— Знаю и отца твоего. А куда ты идешь?

— Въ гости къ дядѣ въ Калюсъ єду.

— Хорошо; подай ему стулъ, сказалъ Потоцкій, обращаясь къ стоявшему тутъ лакею и прибавилъ: «садись — гостемъ будешь».

Я сѣлъ. Потоцкій велѣлъ накрывать столъ къ обѣду; къ столу былъ поданъ жареный поросенокъ. Какъ только я взглянулъ на него, меня такъ и покоробило: «охъ, подумалъ я, какъ это єдять хазеръ — свинью!» Гляжу Потоцкій кладетъ и мнѣ на тарелку поросенка.

— Кушай жидокъ!

— Ай! хазеръ, крикнулъ я, фу! никогда не буду такой пакости єсть!

— Какъ? мое кушанье пакость? крикнулъ Потоцкій. Дай-ка плеть; приказалъ онъ лакею. Прискакалъ съ плетью какой-то

страшный холопъ и уже поднялъ руку, но панъ удержалъ его, я взмолился и заплакалъ, прося у него пощады и увѣряя, что я не думалъ порицать его кушанье, а просто, неосторожно слово такое сорвалось съ языка. Панъ успокоился; но тѣмъ настойчивѣе сталъ требовать, чтобы я ъѣлъ свинину. Напрасно я ссыпался на законъ Моисея, запрещающій израилю употреблять свинину, какъ нечистое животное и приводилъ разные другіе аргументы: ничто не помогало. Ласковымъ голосомъ, но съ двухсмысленною настойчивостію въ тонѣ, онъ сталъ упрашивать меня съѣсть хоть кусочекъ свинины, «ну, хоть изъ уваженія къ нему». Тогда я напомнилъ ему исторію Еліазара, котораго также принуждали ъѣсть свиное мясо, а тотъ предпочелъ смерть... Подобнымъ мужамъ, внушительно прибавляя я, мы должны подражать въ дѣлѣ вѣры; поэтому, если ужъ не помилуетъ меня панъ, то я предпочту принять наказаніе плетью, чѣмъ ъѣсть то, что запрещаетъ законъ Божій. Объясненіе, словомъ, вышло сложное. Потоцкому видимо понравился мой тонъ и устойчивость моей вѣры. Потрепавъ меня по плечу, онъ сказалъ: «молодецъ, что такъ хранишь свой законъ! Чѣмъ же тебя кормить?»

— Мнѣ можно молоко и «бульбу» — картофель ъѣсть, отвѣчалъ я.

То и другое было подано. Панъ налилъ мнѣ рюмку вина и сказалъ: «пей, вѣдь вы всѣ пьете». Я выпилъ. Потоцкій угостилъ меня даже яблоками, позволивъ мнѣ самому сходить въ садъ и нарвать сколько угодно на дорогу, и за тѣмъ отпустилъ съ миромъ. Придя домой я рассказалъ отцу о моей поїздкѣ и о томъ, какъ панъ Потоцкій меня угощалъ свининой, отъ употребленія которой я, впрочемъ, отказался, не взирая на плетку. Отецъ слушалъ все это и только покачивалъ головою. Отличился, говорить, ты сегодня! Вотъ, что значитъ стремиться къ прелестямъ міра! ты хотѣлъ скорѣе съѣздить къ дядѣ, чтобы тамъ вкусить блага міра и не счелъ даже нужнымъ спросить позволенія у отца, и вотъ за это наказанъ Богомъ: злой духъ представилъ тебѣ ихъ — эти блага въ видѣ сквернаго мяса «хазеръ» (свинья) — ъешь дескать и погуби душу свою; хорошо еще, что Богъ помиловалъ тебя и удержалъ, какъ Іосифа отъ грѣха, а соблазнился ты — согрѣшилъ бы предъ Богомъ и погубилъ бы душу свою». Ну памятно же оста-

лось мнѣ угощеніе Потоцкаго! Но обѣ этомъ сказали мы между прочимъ. Продолжимъ рѣчь о позволительной и недозволительной пищѣ. Кромѣ запрещенія закономъ употреблять нечистыхъ животныхъ, евреи съ большою разборчивостію употребляютъ въ пищу и чистыхъ животныхъ, изъ коихъ, напримѣръ, не Ѵдятъ задней части коровы и теленка; не употребляютъ также и всякой рыбы, какъ-то: стерляди, осетрины, а преимущественно Ѵдятъ щуку.

Вотъ какіе странные евреи, скажетъ христіанинъ, всего лучшаго избѣгаютъ. «А какъ же мнѣ Ѵсть то, скажетъ еврей, что запрещено великимъ законодателемъ Моисеемъ: «и сихъ гнушайтесь, которые не имѣютъ перья и чешуи и всякаго рода птицъ, которые ходятъ на четырехъ, мерзость сіе Ѵсть вамъ» (Лев. 11, 8—12). Но пусть бы іудей, неспособный уразумѣть евангельской истины: «не то оскверняеть, что входитъ въ уста, а то, что изъ устъ выходитъ», держался бы того, что внушаетъ ему законъ Моисеевъ, это было бы еще сносно, но бѣда въ томъ, что они къ закону Моисееву присоединяютъ многое множество человѣческихъ заповѣдей — раввинскихъ, такихъ, которыхъ Моисей и не думалъ предписывать; такъ по поводу однихъ словъ Моисея: «не свари ягненка въ молокѣ матери его», раввины запрещаютъ Ѵсть мясной супъ ложкою, которую когда-то Ѵли молоко; мало этого, они запрещаютъ печь пироги на коровьемъ маслѣ и пироги на жиру въ одной печѣ, потому что паръ отъ однихъ пироговъ переходить въ другое. Не трудно изъ одного этого заключить, какъ извращенъ раввинами законъ Моисея относительно употребленія пищи. Да, каждое его предписаніе истолковано въ извращенномъ видѣ и сильно преувеличено. По истинѣ тяжелое бремя наложили эти учители вѣры на народъ, сами же и первомъ не хотятъ пошевелить. Чтобы показать читателямъ до какой степени щепетильны и мелочны нѣкоторые законы, изложенные въ талмудѣ, которыхъ евреи держатся такъ свято, мы приведемъ нѣсколько постановленій относительно рѣзки, или убоя скота и птицъ. Эти законы не только познакомятъ съ талмудическими предписаніями, но въ то же время покажутъ христіанину, какъ суевѣрны евреи, какъ странны и забавны трактаты талмуда.

По смыслу 10-го и 11-го параграфовъ главы 18-ї положенія

о рѣзаніи, ножъ для рѣзанья скота и птицъ не долженъ имѣть не малѣйшей зазубрины; въ противномъ случаѣ зарѣзанная имъ скотина считается трефомъ. Эта ножъ испытываютъ тѣмъ, что взадъ и впередъ проводятъ ногтемъ по его лезвію. Этой операцией ножъ подвергается передъ рѣзаньемъ и послѣ того. Къ самому убою «шохеть» (ученый рѣзникъ) приступаетъ тогда только, когда ножъ, послѣ шлифовки и сказанного испытанія, окажется свободнымъ отъ щербинокъ. Скотина, зарѣзанная такимъ ножемъ, признается годною въ пищу въ такомъ только случаѣ, когда ножъ, при повѣркѣ его послѣ этой операции, окажется такимъ-же, какимъ онъ былъ до начала рѣзанія скотины. Что же касается до приготовленія скотины къ рѣзанію, то оно представляетъ картину чрезвычайно возмутительную. Скотъ подвергается мученію до тѣхъ поръ, пока не будетъ лишенъ возможности двигаться, и тогда шохеть, ошипавъ шерсть на томъ мѣстѣ, по которому долженъ рѣзать, проводить ножемъ такъ, чтобы своимъ движениемъ не сдѣлала на немъ зазубрины и оттого не стала бы трефомъ. Если скотина зарѣзана такимъ образомъ, что не было нарушено ни одно изъ безконечныхъ талмудическихъ постановленій, тогда шохеть приступаетъ къ обревизованію ея внутренностей. Малѣйшіе слѣды какой-нибудь внутренней или наружной болѣзни, поврежденіе въ легкихъ, переломъ ноги или ребра также дѣлаютъ ее негодною въ пищу.

Кромѣ того, скотина становится еще трефомъ въ случаѣ: 1) деруса, 2) некува, 3) хасера, 4) нетула, 5) керуа, 6) нефула, 7) песука и 8) шевура. Деруса означаетъ скотину, раненную хищнымъ звѣремъ; некува—съ поврежденіемъ въ мозговой оболочкѣ, сердцѣ и проч.; хасера — скотина съ природнымъ недостаткомъ въ легкихъ; нетула—съ разбитой челюстью или испорченной печенью; керуа—съ распоротымъ до внутренностей животомъ; нефула—скотина съ сотрясеніемъ отъ паденія; песука—съ переломленнымъ спиннымъ хребтомъ, и наконецъ шевура, такая скотина, у которой переломаны позвонки. Эти восемь пунктовъ составляютъ основу всего этого забавнаго ученія о трефѣ.

Въ 86-ти главахъ въ Йоре-Деа, каждый изъ этихъ случаевъ, или пунктовъ разматривается подробно и со всѣхъ сторонъ.

Благодаря щепетильности такихъ законовъ, большинство головъ убиваемаго скота оказывается трефомъ, т. е. непозволеннымъ къ употребленію. Хорошо еще, что христіане покупаютъ у евреевъ трефную говядину; въ противномъ случаѣ евреямъ пришлось бы выбирать одно изъ двухъ: или отказаться совершенно отъ употребленія страшно дорожающей при такихъ условіяхъ говядины, или отвергнуть всякую мысль о трефѣ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Не справедливо ли послѣ этого многіе христіане говорять, что талмудъ связалъ евреевъ по рукамъ и ногамъ и что нужно ихъ избавить отъ этихъ оковъ. Вотъ до чего доходить ревность іудея; если въ его семействѣ кто нибудь изъ дѣтей нечаянно проронить нѣсколько сальныхъ (мясныхъ) капель въ посуду налитую молокомъ или ложку молока прольеть въ горшокъ мясного супа, то кушанье оставляютъ ёсть и тотчасъ обращаются къ раввину съ «шалой»—вопросомъ: «позволительно ли употреблять это кушанье? Раввинъ разспрашиваетъ посланного о количествѣ того и другого вещества и, поразмысливъ, что говорится на этотъ счетъ въ талмудѣ, объявить посланному, что кушанье «трефъ» или «кашеръ», и какъ въ семействѣ рады бываютъ услышавъ послѣднее! Всѣ разомъ кричать: «кашеръ, кашеръ! и тогда только дозволяютъ себѣ ёсть подозрѣвавшуюся пищу. Извѣстно, что въ западномъ краѣ еврей мастеровой, отправляющійся въ деревню на заработокъ, беретъ съ собою посудину и варить въ ней для себя постную пищу, отнюдь не употребляя мяса, за неимѣніемъ въ деревнѣ «шехода» — рѣзака. Замѣтить достойно, что не только вольные евреи строго соблюдаютъ заповѣди талмуда, относительно пищи, но и солдаты евреи, даже кантонисты въ былое время свято ихъ сохраняли. Просимъ читателя не осудить насъ за то, что позволимъ себѣ занять разсказомъ, могущимъ казаться здѣсь постороннимъ предметомъ, но въ то же время имѣющимъ важность въ дѣлѣ христіанства. — Въ 1840-хъ годахъ мы, находясь въ школѣ кантонистовъ, въ числѣ другихъ евреевъ, отказались ёсть мясную пищу, какъ трефную, два года ёли только хлѣбъ съ квасомъ, а нѣкоторые изъ насъ даже постились дважды въ недѣлю — въ понедѣльникъ и четвергъ, и до появленія звѣзды не употребляли и хлѣба, (такъ

обыкновенно постятся евреи). Такой постъ продолжался бы Богъ вѣсть сколько, если бы не вразумилъ нась вновь прибывшій начальникъ, командиръ 3-й учебной бригады военныхъ кантонистовъ А. С. Андреевъ; а вразумилъ онъ нась замѣчательно: явясь въ первый разъ въ наше училище, онъ обратилъ особое вниманіе на пищу, обойдя столовую замѣтилъ, что нѣкоторые кантонисты єдятъ сухой хлѣбъ, и спросилъ одного: «отчего ты братецъ не єшь щей»? Кантонистъ молчалъ. Бригадный, должно быть, заключилъ, что щи не хороши; попробовалъ ихъ и похвалилъ; пройдя дальше, и какъ бы не вѣря себѣ, спросилъ обѣдающихъ кантонистовъ: «каковы щи»? Они отвѣтили: «очень хорошие, Ваше Превосходительство». — Но вотъ они, сказалъ бригадный, указывая на сидящихъ рядомъ, не єдятъ; чтобы это значило, г. дежурный офицеръ? — «У нихъ сегодня постъ», отвѣтилъ дежурный. — «Какой»?! крикнулъ бригадный. — Офицеръ молчалъ. Начальникъ училища отвѣтилъ за него: «Память разрушенія Іерусалима». — «Помилуйте, Ив. Ав...чъ, 1800 лѣтъ тому назадъ разрушенъ храмъ іерусалимскій, а этимъ мальчуганамъ нужно поститься — голодовать! Надо внушить имъ, чтобы они оставили мечту о Іерусалимѣ, а признали бы отечествомъ Россію и єли бы все, что имъ даютъ; вѣдь имъ необходима питательная, мясная пища, которая укрепляла бы ихъ силы, а не лукъ, который, какъ я замѣтилъ, они єдятъ». Съ этими словами бригадный уѣхалъ. На другой день въ 12 часовъ онъ опять прїехалъ и прямо отправился въ столовую. Кантонисты тогда обѣдали; бригадный, замѣтивъ тоже, что и вчера, обратился къ находившемуся тутъ начальнику училища съ словами: «ну что, Ив. Ав...чъ, и сегодня у нихъ постъ, — разрушение Іерусалима? Уже больно они набожные у васъ. Какъ хотите, а я въ этомъ постѣ усматриваю что-то не доброе, и сталъ разспрашивать мальчиковъ о причинѣ не употребленія пищи. Одинъ изъ кантонистовъ сказалъ ему слѣдующее: «Ваше Превосходительство! мы не єдимъ мяса потому, что оно закономъ нашимъ запрещено, хотя прежде употребляли оное, но вотъ уже болѣе 2-хъ лѣтъ, какъ перестали єсть». «Какая же тому причина»?

— «Ахъ, причина весьма важная; мы узнали, что насть ожидаетъ на томъ свѣтѣ кара Божья за употребленіе трефнаго мяса».

— «А отъ кого вы это узнали?» возразилъ бригадный.

— «Отъ старшаго изъ настъ, ученаго, набожнаго Айзберга».

— «Кто это Айзбергъ?» спросилъ бригадный у начальника училища.

— «Инвалидный солдатъ, хлѣбопекъ еврей, который исправляетъ у нихъ должность раввина».

— «Прикажите, пожалуйста, привести этого солдата». Послали за Айзбергомъ, который немедленно явился предъ лицомъ бригаднаго.

— «Кто ты такой?» спросилъ бригадный.

— «Инвалидный солдатъ нестроевой команды, Ваше Превосходительство».

— «Ты занимаешь между братьями своими должность раввина?»

— «Такъ точно, Ваше Превосходительство».

— «А зачѣмъ ты развращаешь ихъ, запрещаешь Ѵсть мясо?»

— «Не я, Ваше Превосходительство, запрещаю, а Богъ, Который открылъ мнѣ въ ночномъ видѣніи, что не должно его есть».

— «Что за видѣніе, расскажи?»

— «Я видѣлъ горящую пламенемъ пеющ, въ которую сажали нашихъ кантонистовъ за то, что они Ѵдятъ трефное мясо и счѣль долгомъ разсказать имъ объ этомъ, а они рѣшились поститься».

— «Ты лжешь! крикнулъ бригадный. Самъ выдумалъ это сновидѣніе, сознайся лучше, а то сейчасъ велю розогъ принести и накажу за обманъ».

Айзбергъ поблѣднѣлъ и стоялъ какъ нѣмой, должно быть, соображая, что дѣлать—сознаться или нѣть. Бригадный грозно посмотрѣлъ на него.

Не выдержалъ бѣдный Айзбергъ и заговорилъ: «виновать, Ваше Превосходительство, я придумалъ это сновидѣніе съ тою цѣллю, чтобы братья мои соблюдали заповѣди талмуда».

— «За чистосердечное сознаніе прощаю тебя, сказалъ бригадный, но такъ какъ пребываніе твое отзывается вредно на здѣшнихъ малолѣтнихъ кантонистахъ, то я тебя молодца удалю въ гарнизонъ». Сказавъ такъ, онъ велѣлъ собрать всѣхъ кантонистовъ и солдатъ нестроевой команды евреевъ. Приказаніе бригаднаго

было тотчасъ исполнено, и онъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «дѣти! вашъ раввинъ сознался мнѣ въ присутствіи многихъ, что онъ обманывалъ васъ вымыщеннымъ сновидѣніемъ: будто бы вы наказываетесь Богомъ за употребленіе мяса, и ради этой выдумки вы лишились необходимой пищи. Я думаю, что подобно Айзбергу и другіе раввины измыслили разныя баснословныя сказанія въ талмудѣ, относительно запрещенія мяса. Законодатель вашъ Моисей, котораго и мы христіане чтимъ, запрещаетъ только свиное мясо, и эта древняя заповѣдь имѣла важное значеніе въ жаркомъ климатѣ Палестины; тамъ дѣйствительно употребленіе свиного мяса причиняло вредъ, но въ нашемъ холодномъ климатѣ оно безвредно; это подтверждается тѣмъ, что миллионы христіанъ везде Ѹдѣляютъ свиное мясо и здравствуютъ; только одни ваши іudeи ухватились за эту заповѣдь, а сущность заповѣдей—любви къ Богу и близкимъ не соблюдаютъ. Раввины желаютъ посредствомъ обмана сдѣлать васъ угодными Богу; не слушайте такихъ руководителей вѣры; они ведутъ васъ въ пропасть. Дѣти! продолжалъ бригадный вы готовитесь быть слугами Царя и отечества, исполняйте то, чего желаетъ нашъ Государь, а онъ желаетъ, чтобы вы были честными воинами, защитниками Церкви и государства; а истиннымъ воиномъ можетъ быть только христіанинъ; такими желалъ бы я васъ видѣть». Бригадный еще очень много поучительного говорилъ и съ такою убѣдительной силою, что товарищъ Айзберга по духовнымъ дѣламъ такъ проникся поучительнымъ его словомъ, что вышелъ впередъ и, ставъ предъ бригаднымъ: сказалъ: «Ваше Превосходительство! я желаю быть таковымъ».

— «Ты хочешь быть христіаниномъ? спросилъ удивленный бригадный.

— «Такъ точно, Ваше Превосходительство».

— «Весьма пріятно это слышать; и при этомъ бригадный поцѣловалъ его и сказалъ: «если ты искренно желаешь принять христіанство, то я буду твоимъ крестнымъ отцемъ».

— «Благодарю, Ваше Превосходительство, за такую милость». За этимъ солдатомъ пожелалъ креститься и канонистъ; бригадный и его обласкалъ и обратился къ начальнику училища со словами: Ив. Ав...чъ, прошу васъ сотворить доброе христіанско дѣло,

принять его себѣ въ крестники. Начальникъ училища поклонился и сказалъ: «съ удовольствіемъ принимаю» и по примѣру бригаднаго поцѣловалъ изъявившаго желаніе креститься.

— «Вотъ Ив. Ав...чъ, сказалъ бригадный, неожиданно обрѣли мы по сыну, и все благодаря тому, что узнали продѣлки жида». Сказавъ такъ, бригадный снялъ трехъ-угольную шляпу свою и, обратясь къ стоявшимъ близъ него офицерамъ, сказалъ: «надѣюсь, что вы послѣдуете нашему примѣру — постараетесь пріобрѣсть по крестнику; наставляйте этихъ заблудшихъ сыновъ израиля христіанскимъ словомъ, и Богъ поможетъ вамъ привести ихъ ко Христу, а какая заслуга эта будетъ со стороны вашей предъ Богомъ! Св. апостолъ Іаковъ говорить: «обративый грѣшника отъ ложнаго пути его покроетъ множество грѣховъ». Сказавъ это, онъ поклонился всѣмъ и, взявъ названаго крестника, посадилъ его въ коляску и уѣхалъ. То же сдѣлалъ и начальникъ училища. Мы съ грустью и завистью смотрѣли вслѣдъ товарищамъ; событие это такъ на насъ подѣйствовало, что многіе изъ насъ послѣдовали ихъ примѣру. Съ того времени, благодаря ревностнымъ трудамъ бригаднаго и Архипастырскому участію и благословенію Преосвященнаго Владимира Казанскаго и другихъ лицъ (Архимандрита Клиmentа ректора семинаріи и законоучителей) ежедневно многіе изъ насъ обращались къ Іисусу Христу, между которыми былъ и пишущій о семъ, и который впослѣдствіи самъ не мало потрудился въ св. дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство. Когда бригаднымъ командиромъ донесено было по начальству Государю Императору Николаю Павловичу, что всѣ кантоnistы евреи Казанскихъ баталіоновъ изъявили желаніе принять христіанство, то Государь благоволилъ выразить Высочайшую милость каждому изъ участавшихъ въ этомъ св. дѣлѣ. Даже и я, наименьший изъ потрудившихся, удостоился получить Высочайшую награду; милостивыя слова государя, выраженные въ приказѣ по войскамъ остаются священными для меня и по нынѣ. Вотъ почему такъ пріятно было намъ вспомнить объ этомъ христіанскомъ событии.

Извиняемся предъ читателемъ, что такъ удалились отъ своего предмета.

Отъ описанія обрядовъ перейдемъ къ ученію талмуда.